

Суперлуние

Елена Степная

ПОВЕСТЬ

о наших светлых

«Восьмидесятых»

Елена Степная

Суперлуние

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69975184
SelfPub; 2023*

Аннотация

Рассказ о первой влюбленности студентки, ее волнениях, сомнениях и переживаниях. Событие происходит в студенческом городке строительного техникума. А фоном к повествованию становится описание времени, под названием – Восьмидесятые. Взросление недавних школьников, становление характера в новых ситуациях, оценивание своего поведения и действий. Нежное чувство студентки Аллы тоже проходит испытание. «Я всего лишь хотела написать повесть о девичьих переживаниях, в наши светлые Восьмидесятые, вспомнить моменты и улыбнуться. И не предполагайте здесь, пожалуйста, что упомянутые люди имели чувства симпатии ко мне. Нет, только не это. Не разрушайте мой миф!»

Елена Степная

Суперлуние

Глава 1

За окном электрички медленно проплывали полустанки, их плохо было видно сквозь грязное окно, только фонари размытым своим светом напоминали, что осталось еще две остановки и надо быстренько сходить. Время на выход даётся несколько секунд. Все пассажиры, сшедшие на этом полустанке, сорвались с мест, и пошли к выходу.

"Станция "Студенческий городок". Осторожно, двери открываются!" Голос в репродукторе звучал откуда-то из потустороннего мира.

Я взяла тяжелую сумку и покинула деревянное кресло, на котором остался мой тёплый след. Сейчас будет холодно. Мы сошли с вагона и за нами лязгнули створки двери.

Еще долго слышался запах прокуренного вагона, который никогда не выветривался, а только дополнялся признаками остаточных явлений пассажиров усталых, торопящихся с работы по домам.

Толпа сегодня была из человек пятнадцати. Мы ступили на платформу, освещенную оранжевыми фонарями и временем под названием "Восьмидесятые".

До института вела Дорога жизни. Вся в ухабах и промоинах. Длинные лужи простирались вдоль и поперёк дороги

доставляли немало неприятностей студентам, которые сегодня попали под дождь и торопились в тёплое общежитие. Фонарей вдоль дороги не стояло. То есть стояли, но только столбы. Мы шли, растягивая колонну, тихо пыхтели под весом своих сумок, которые были забиты домашними продуктами. Так колонна прошла площадь учебного корпуса и стала разделяться на несколько потоков. Мальчишки шли, накинув на головы мокрые капюшоны в свою общагу, промокшие девушки стали бегом разделяться на две шеренги.

Одни побежали во второе, другие в третье общежитие, недавно построенное в этом ещё веке, примерно в 70-годах.

А наше общежитие, наверное, строили еще царские военные инженеры для солдат, такие себе казармы. Все три общежития стояли рядом. В метрах 20, не дальше. Вид из нашего женского общежития открывался напротив мужского, и мы могли наблюдать, что делает мужская половина в своих комнатах, а они, естественно наблюдали за нами. Особенно обширный вид давался владельцам окон четвёртого последнего этажа.

Поэтому нам кастелянша выдавала самые плотные шторы, пока мы занимали первый или второй этажи. А когда расселялись на третий и четвёртый, то шторы могли быть на своё усмотрение.

Вот мы и дома.

В фойе было тепло, на вахте никого не было, из кухни на первом этаже доносился запах жареной картошки. Ну, как

всегда. Те девочки, кто не поехал домой на выходные, готовили себе ужин. А что готовить? Правильно жареную картошку с луком.

Мои соседки все уже были в комнате. Двое тоже недавно приехали и тоже попали под дождь. В комнате пахло сырыми вещами, ванильными домашними булочками, открытым малиновым вареньем и котлетами. Холодильник у нас был за окном.

Соня как всегда спала, Катя читала роман, Оксанки не было (может, в туалет пошла, а куда еще).

Мы нежно поприветствовали друг дружку.

Мой плащ был мокрый, сушить его надо было в умывальнике на верёвке. Я пошла в конец коридора, там располагались умывальник, душ и напротив туалет. Из туалета вышла Оксана с накрученным на голове полотенцем и пустой литровой баночкой. А, понятно, куда она.

Сейчас побежит к "своему", раз помылась, улыбнулась ей в сердцах.

– Привет! – кивнула улыбающаяся Оксанка и пошлёпала в комнату, шаркая тапочками в распахнутом халате, под которым была кружевная комбинация.

Мы всегда ходили здесь как хотели, в рамках того приличия, в котором был весь дух восьмидесятых.

Мальчиков в наше общежитие не селили, для них было соседнее и всё что им удавалось так это проникнуть через балконы в торце здания, через щель в оконной раме. Как они

это делали сквозь решетку, оставалось загадкой. Но наказание за такое посещение грозило отчислением из института.

На верёвке висели влажные дутые и широкополые модные плащи, бережно прихваченные прищепками к плечикам. Девочки обязаны быть красивыми и ухоженными и всегда наготове.

Я повесила на плечики свой серый, я его купила на свои кровные заработанные денежки.

– Он опять написал! – сказала Катя, вытянув из кармана сатинового халата раскрытый конверт.

– Ну, не дурак? Как он меня достал! Каждый день по письму. Ему там, в армии, что, делать нечего? Служил бы себе спокойно. Нет же, пишет, как полоумный! – продолжала сама с собой беседовать Катя.

– Ну, так не отвечай, – сказала я, отправляя домашние котлеты, завернутые в газету и пакет за оконную раму.

Там у нас был крючок, и мы цепляли свои продукты за фрамугу, чтобы не испортились в тёплой комнате. За год мы уже освоились жить без бытовой техники. У нас в общежитии не было ни холодильника, ни стиральной машины, ни микроволновки, только старый электрический чайник.

Женское общежитие состояло из четырёх этажей казарменного типа. Кухня была на первом, там было три газовых плиты и мойка. На каждом этаже размещались бытовки с тяжелым резиновым покрытием и вытянутыми с корнями розетками.

Там мы себе начёсывали и накручивали наши знаменитые шевелюры.

В бытовке стояло допотопное кресло непонятного цвета, стол для занятий, стулья, стол для глажки и книжная полочка с томиками трудов Владимира Ильича Ленина, для порядка и политинформации.

Длинный коридор и лестничные пролёты ежедневно намывались дежурной группой.

Здесь не было уютно, но весёлые обитатели общежития, заполнявшие четырёхместные комнатки порхали из комнат в комнаты, таская то еду, то вещи, то плойки, утюги, лаки и всё что только нужно было девочкам для занятий и наши этажи гудели словно улей. И нам некогда было заботиться о заполнении пространства общежития комнатными цветами и другими предметами уюта и декора.

Шумно в общегае было всегда, и только когда были пары – коридор молчал. Мы старались не пропускать занятия, потому, что заработать “н/б” (не был на занятии) было хуже некуда, потому что отрабатывать надо было в свободное время, а свидание тогда пролетало? Нет! Свидания – это было самое ответственное занятие для нас, студентов. Его пропускать нельзя было. Потому, что если ты пропускаешь свидание, то можешь пропустить и судьбу. А девочки берегли отношения. Ну, ладно, старались изо всех сил, хотя у многих это всё равно не получалось.

И редкие парочки встречались весь курс обучения.

Глава 2

У меня парня не было.

И по этому поводу велась тщательная подготовка среди девочек в нашей группе. Мои однокурсницы не могли позволить, чтобы их каллиграфист была одинока.

За эти два курса, что мы были вместе, девочки нашли себе парней и встречались регулярно, некоторые нервные особы регулярно ссорились и мирились со своими мальчиками, чем и заполняли наши скучные вечера, отмечая их слезами, заламыванием пальчиков, буйным гонором, вспылчивыми ссорами с соседками. Особо одарённые личности, пытались ранить себе кожу на руках и пугая нас до полусмерти. Но мы друг дружку очень понимали, поддерживали, успокаивали, отпаивали чаем, готовили жареную картошку. Или ехали развлекаться в город подальше от студенческого городка и этого тихого посёлочка, где жили в основном преподавательский состав и обслуживающий персонал со своими семьями.

Ехали компаниями.

А там, в городе делали себе черно- белые фото, красили волосы, кушали мороженое и пили молочный коктейль. В кино не ходили, потому что у нас в студгородке был клуб и на сеансы мы ходили регулярно.

Вездесущие парочки. Куда ни глянь вечером, бродили парочки.

У нас на территории студгородка был парк, красивый такой, густо засаженный разными деревьями, кустарниками и цветами. Я только на втором курсе поняла, почему в этом парке так много дорожек и почему они так часто пересекаются.

Оказывается, наш парк был разбит в виде пятиконечной звезды и от неё расходились лучи – тропинки. А в центре стоял памятник защитникам нашей местности. Было очень патриотично, торжественно и романтично одновременно бродить по этим дорожкам.

Никто здесь не мусорил, так как уборкой занимались сами студенты. Было чисто и красиво. Но уединиться было в таком случае не реально.

Чтобы спрятаться от любопытных глаз, влюблённые уходили к жилым пятиэтажкам и прятались во двориках. Там было всегда темно, не смотря на лампочки над парадными ходами. Их тусклый свет только и всего, что был ориентиром для тех, кто поздно возвращался с работы или студентов, отсчитывающих драгоценные минутки перед закрытием дверей в общежитиях.

– Короче! Не мешай спать, Катя, имей совесть. Завтра пары. Хочу спать, а ты бубнишь там! – нервно пробормотала Соня из-под подушки, в которую уткнулась головой.

– Правильно Аля сказала, не пиши ему больше. Ты же сама строчишь ему вон по четыре листа и сама бегаешь с теми письмами. Брось и почтальонскую нагрузку, отдай кому-ни-

будь и всё, – сказала, не отрываясь от зеркала Оксана, накладывая розовые тени на нижнее веко.

– Иди уже! Там твой промокший стоит. Грамотная какая, сама знаю что делать! – огрызнулась Катя и вскочила с кровати.

Она одёрнула синий набивной халат и взялась убирать расставленные на столе пакеты с продуктами.

– Оставь булочку, Кааать! – протянула Оксана, докрашивая ресницы тушью.

Катя стукнула по столу кружкой, положила булку рядом, всё остальное одним махом смела в пакеты и зашвырнула на крючок за окно. Еще раз отряхнула халат, переступила через лежащую на животе Соню, та заорала, а Катя залезла на подоконник.

– Девчонки, девчонки! Вырубайте свет, сейчас будем зырнуть на новеньких! – проговорила Катя, и села отодвинув край плотной шторы. – Вырубай свет!

– Так, дайте, я оденусь, – шаркая полуботинками Соня, она торопилась на свидание.

– А мой там? – второпях накидывая на себя дутую куртку, и поправляя начёс, уже в дверях спросила она.

– Та иди уже, вон, стоит!

Щелкнул выключатель света и в комнате воцарилась тишина. А снаружи по коридору носились девочки, тоже спешили на улицу. Топот стоял, будто в конюшне.

Наша комната располагалась на четвёртом этаже. Север-

ную половину этажа занимала наша группа и девочки выпускницы.

Четверокурсницы сейчас редко выходили на свидания, они писали в учебном корпусе дипломы, и девочек подолгу не было. Но, когда приходили то в таком шуме не могли отдышать, они разгоняли этот балаган и тогда в коридорах тихонько бегали, стараясь не стучать каблучками третьекурсницы, а только шелестели своими дутыми куртками и плащами. Субординацию у нас соблюдали и не обижались на окрики старших. Комендант не вмешивалась.

У нас всё было по писанным и не писаным законам – правильно.

Мы облокотились на подоконник, Катя вообще села на него, мы расправили тюль и начали наблюдать.

Это было смешное и забавное мероприятие.

Во время окончания самоподготовки и начала вечернего моциона, то есть свиданий, в женском общежитии практически во всех комнатах выключался свет. Ребята приходили к своим девочкам к корпусу, они не имели права входить в общежитие, а ждали на площадке возле крыльца. Из окон кабинета комендатши в фойе разливался мягкий белый свет и освещал площадку перед входом. Там, возле бордюров стояли ребята в ожидании наших красавиц. Они даже не подозревали, что в тот момент, когда ждали девочек, на них были устремлены любопытные взоры из выходящих на площадку окон с выключенным светом.

Там, за тюлями сидели все те, кто не ходил по тем или иным причинам на свидания. Их было не меньше полусотни.

Это представление было ежевечерним ритуалом и во время него прекращались все ссоры, войны и катаклизмы в общепитии. Мы могли сидеть эти два часа и мило обсуждать каждую парочку, мыть им косточки, строить прогнозы и затевать козни.

И никто в этом чудном мире не мог нам помешать.

«Так было, так есть и так будет всегда», – думали мы.

– Колясик! (это моё технарское прозвище, уменьшительно-ласкательное производное от фамилии). Тебе пора "завести" парня, – переживали за меня соседки по комнате, поглядывая вниз.

("Завести парня" – это у нас означало – смело "подкатить"; увести, отбить у подружки; пригласить на танец первой, не дожидаясь приглашения).

Господи, это так – противно! Лучше котика завести.

Ребята "заводили" себе девушек, так же как и 20-30 лет до этого. Знакомились, брали смело за талию и в первую встречу – целовались. А девушки, чтобы закадрить парня настойчиво "строили глазки", заигрывали, бывало и оскорбляли.

Сейчас уже понимаем, что мы просто флиртовали.

– Идите в баню – у меня курсовая! – огрызалась я. Это не честно и не красиво.

– Не, ну, правда, это не порядок. У нас есть, а у тебя нет, – сказала Соня, протирая очки ночной рубашкой

– Я не умею, да и не буду! – оправдывалась я перед более "опытными" коллегами.

И тут их понесло.

– Слышишь, а ведь в группе инженеров, где Оксанкин Пашка, парень есть и вроде ни с кем не встречается. По крайней мере, я не видела, – сказала Катя. – Вроде Саша его зовут. Я дернулась как от статического электричества и поджала губы.

– Не напрягайся! – махнула на меня, как будто смахивала с меня муху своей длинной рукой моя худощавая соседка по комнате – опытная прожигательница мужских сердец – Катя.

Соня уже стала рассуждать и придумывать дерзкие ходы, как нас свести. Какая умная!

– Да. Может быть у него есть девушка в своей селухе (селе), – рассуждала я.

– Алька! Какая же ты нудная! Может и есть. Разве это проблема сейчас? Если надо, то отобьем! – протянула с важностью и со знанием дела выдавшая виды Катя. У которой в это время было, по крайней мере, было два парня – один в армии, другой в селе, а третий бегал за ней здесь в институте. На этого последнего она смотрела так же свысока как сейчас с четвёртого этажа на снующие туда-обратно пары. Катюша иногда позволяла себе выйти к влюбленному на свидание и просто издевалась над парнем.

А мы с сожалением наблюдали всю эту катастрофическую ситуацию. Парень был влюблён в эту неприступную гору с

именем Екатерина безответно.

– Придёт со свиданки Оксанка, и мы поговорим об этом, – решительно заявила Катя.

– Да! – утведительно сказала Соня.

У Сони, кстати, парня не было, но был друг в посёлке, где она жила. Оба отличники и долго дружат. Но не считают себя парой, об этом никогда не говорили, но дружат и теплые письма говорят сами за себя. Он поступил в университет, переехав в столицу, она не добрала одного балла и поступила сюда в наш. По приезду домой вечно болтаются то у неё дома, то у него. Родители у них кумовья и так привыкли, что дети вместе, даже не замечают их.

Но на счёт глубоких чувств Соня уверена, что их нет. Она прагматично считает, что замуж пойдёт не за него.

Ко всем чувственным выпадам Кати и Оксаны наша умная соседка относится со спокойствием, она хорошая подруга, ей в жилетку плакаться одно удовольствие. Пожалее, иногда пожурит, но всегда поставит чайник (кипятильник в поллитровую баночку), напоит чаем с вареньем и заставит делать домашку. Она единственная причина, по которым мы вообще их делаем. Её спокойствию, уравновешенности и целеустремлённости я удивляюсь до сих пор.

С парнями у меня был всегда полный провал.

Да, эмоции делают своё дело: общество, музыка, некое подобие свободы, когда, наконец, ты сама выбираешь – идти тебе в кино или на дискотеку. А не родители. У них надо бы-

ло отпроситься, предварительно выполнив Золушкину работу на месяц вперёд.

А тут дискотеки два раза в неделю. Когда тепло – на площадке в парке, когда холодно – в холле учебного корпуса. Отчего же не танцевать и не влюбляться.

А потанцевать я любила. Правда, когда включали "медляк", тогда было скучно. Расфуфыренные мы стояли в сторонке и смотрели на то, как отжигают встречающиеся пары...

Ой, а танцевали оригинально, просто – «отпад».

Откуда пришло это движение тел, когда покачиваясь из стороны в сторону, в такт музыке, парень с девушкой ещё вращали, переплетёнными пальцами ладоней вырисовывая такие круговые движения руками "восьмёркой". Уму непостижимо.

Это было начало сексуальной эволюции конца восьмидесятых, начала девяностых. Какая из нас отказалась бы от такого чувственного танца?

Мы, не танцующие под лирические композиции, ждали, когда же, наконец, этот кошмар закончится. И все опять задвигаемся, выбираясь из своих тёмных закутков, оторвавшись от подоконников заваленных куртками. Будем стоять на одном месте, размахивая руками и бёдрами в такт песен "Миража" (некоторые движения я уже переняла тут, у продвинутых студенток, которые жили в городе) и вносили свою моду в наше закрытое сообщество

под гордым названием "Студенческий городок".
Какие мы всё же разные...

Глава 3

Эти странные городские студентки с нами в общежитии не жили, они приезжали на электричке, осознанно распугивая своим видом пассажиров вагонов. Начесанные окрашенные перекисью и зелёной ирокезы медленно входили в наш студенческий мир, и мы боялись не только с ними общаться, но и подходить близко. Надо же так навести тени вокруг глаз! Смерть, да и только.

Чёрные дерматиновые куртки, наручные украшения, болтающиеся цепи... Бр-р-р-р-р!

Но девочки эти, недолго у нас учились, они перевелись в городской институт и оставили нас в покое.

Хотя воспоминание о себе всё же оставили хорошее.

Однажды, мы готовились к КВНу, и нам нужен был музыкальный номер.

Мы все были задействованы в номерах и не успевали сделать что-нибудь музыкальное. Репетиции заходили в тупик на этом вопросе задачка не решалась.

На самую последнюю репетицию в зал вошли эти наши две рокерши и сели возле сцены. Я сейчас подозреваю, что с ними, всё же, кто-то из воспитателей поговорил, и они пришли, чтобы как-то отметиться в общественной жизни техникума.

Сидя перевалив ногу за ногу, в кожаных брюках с цепурами в палец, они томно наблюдали за нашей репетицией и громкими спорами.

Отчаяние подбиралось в наши головы все настойчивее, и мы стали понимать – проиграем соперникам! Только потому, что у нас не готов музыкальный номер.

Мы подготовили шикарные костюмы, которые шили всей общагой, сочинили сценарий, отработали танец на все сто. И вот только из-за неподготовленного номера мы проиграем, а на нас будут смотреть мальчишки, а мы такие красивые и – пф-ф-ф-ф.

Тут на сцену поднимается одно из существ преисподней и подходит к нам. Девушка перестала жевать свою жвачку и сказала: "Не проблемы, бейби!"

Боже, оно умеет говорить! И голос оказался такой приятный.

Она подошла к фортепиано, стоящему у края сцены, сняла черную куртку, бросила её подружке. Под курткой у неё оказалась белоснежная рубашка, застегнутая на все пуговицы, а на шее тонкая – веревочка, завязанная узлом. Подвернув рукава, она подставила стул и села за инструмент, открыла крышку. И мы все сейчас же представили концерт Bon Jovi. Да?

Она поставила тонкую обтянутую в блестящую кожу правую ногу на педаль и так же плавно опустила руки на клавиши.

Только тогда мы заметили, какие у неё тонкие, красивые пальцы.

Мы стояли как кучка бройлеров. Вытаращили свои глаза, молча ожидали, что клавиши из инструмента сейчас полетят по залу и бес начнёт выходить из неё. А мы даже не знаем где запасный выход из зала, если что.

Мы остолбенели, Оксанка зажала уши руками и закрыла глаза.

Неожиданно, музыка зазвучала из нашего пианино, которым владеет только наша препод Елена Кимовна.

Что? Музыка? Это подобие чудовища, играло, перебирая своими тонкими длинными пальчиками. Кисти, то взлетали вверх, то опускались вниз. На это нужно было смотреть, и это надо было слушать.

Сейчас понимаю, что это было какое-то классическое произведение. И это исполнение оставило у нас неизгладимое впечатление, о котором стоило упомянуть в этом рассказе.

Мы поняли, что рокерша получила образование в музыкальной школе. Она на последних нотах взмахнула кистями, спокойно плавно опустила их на колени. Потом, красиво встала с табурета и слегка склонила голову в поклоне.

Мы аплодировали стоя, не приходя в сознание. Она улыбалась.

Мы выиграли в КВН!

И после завершения мероприятия, вместе с этими нефор-

малками пили пепси и кушали испечённый для нас в нашей столовке огромный очень вкусный пирог. Эти чудные создания оказались обычными девочками, контактными балагурками и хохотушками.

О чём говорили, уже не помню, возможно, пили, что-то крепче, чем пепси.

Глава 4

Наш быт.

В развесёлой, бесшабашной институтской жизни было мало место для учёбы. Нам страшно некогда было учиться. Я не буду описывать эти тоскливые моменты, когда учебные часы безразмерно долго тянулись, вместе с солнцем строго заходя за горизонт. И мы голодные, в спешке, ищем после занятий себе чего съесть.

А это “съесть” надо было ещё приготовить. В местной столовке за 1 рубль можно было получить первое, второе, третье и четвертое, но такого уровня готовки меню что ужас. Мы дополнительно бежали в магазин, скупали все хлебобулочные изделия какие остались – вафельки, кефир, икру кабачковую, макароны, вареную колбасу, консервы. Бежали в общагу занимать место у конфорки, чтобы нажарить картошки. Одна пара соседок по комнате, пока готовила еду, другая занимала очередь в душ.

И так через день.

Раз в неделю мы ходили в баню. Ох, там уж напаривались

и отмывались в удовольствие. С первого курса наш воспитатель заставляла всех ходить регулярно в душ и в баню. Она только однажды, в начале года, собирала новичков и со всеми прелестями рассказывала о чистоте тела студентки. После таких прелестных политзанятий мы ходили все годы учебы регулярно мыться, насколько не были бы ленивыми.

...Пока у нас в общежитии не начался 1991 год. Эти перебои с электричеством, водоснабжением, канализацией, уборкой мусора, отсутствием тепла в комнатах и холод в корпусах. И проблемы с продуктами.

Мы все помним начало славных девяностых.

Это был год нашего выпуска. Мы с надеждой стремились найти достойную нашего образования работу.

Глава 5

На день празднования 23 февраля в концертном зале учебного корпуса был назначен концерт. Послабления в учёбе сопутствовали праздничному настроению обитателей студенческого городка. А на вечер ожидалась дискотека. Это была суббота.

Мы только недавно отгуляли каникулы после сессии. Собрались все съехались, соскучились. Городок заполнился шумным веселым народом.

И пошел очередной семестр. Преподаватели еле раскачивались, возвращаясь с выходных после сессий. Были добрыми, свежими и приятно разговорчивыми. Все явно соскучи-

лись, хоть пошло только две недели каникул.

И вот снова большой праздник.

Мы снова готовимся к торжеству.

В бытовках кипят в чайниках термо-бигуди. Вылезшие из своих нор розетки свисают под тяжестью тысяч вилок от электрических плоек.

Везде пахнет духами “Дзинтарс” и лаком для волос “Прелесть”.

– Пойди у Таньки платье возьми, она сегодня в брюках, – слышно из-за шкафа голос Оксаны, которая натягивала колготки в знаменитую сеточку. – Она мне вчера давала, сказала, что можно.

Катюха побежала в соседнюю комнату до соседок, в поисках чего надеть.

Так вышло, что у нас одежда была общая. Всё, кроме нижнего белья носилось из комнаты в комнату. Одно и то же платье можно было наблюдать на разных фигурах в самой безумной комплектации.

Экспериментам поддавалось всё. Носилось всё. Юбочки были самые мини и самые миди. Люрекс блестел на всех нас и не только в новогоднюю ночь.

А макияж, девочки! Ммммм, это целая отдельная история. Стрелочки наводились наслюнявленным карандашом, тени с блеском очень агрессивных тонов – яркие розовые оттенки, изумрудно-зелёные, голубые, сиреневые они тщательно накладывались на верхних и нижних веках, в уголках глаз

подрисовывали бежевыми или белыми блестящими тенями. Возникало ощущение слёзок. Индийский визаж. Смешно. Сейчас мы говорим – корректор, хайлайтер, кушон, консилер. А в то время – карандаш, пудра, крем, «тоналка»

Кому подходил этот макияж, кому – нет, было абсолютно не важно.

Главное – чувство свободы, самостоятельности, и вызова обществу – вот, мы, будущие специалисты страны. Держись деревня, трепещи город! Идут студенты строительного ВУ-За!

Катя влетела, держа в руках платье, в котором вчера на свидание ходила сначала Таня из 44-ой, потом Оля из 40-ой комнаты, сегодня очередь перешла до Кати и нашей 54-ой. Уф, повезло.

Всё! Мы были экипированы.

– Эй, народ! Куда ушли мои ботики?– завопила опаздывающая Оксана.

– Вон же, Танюха в них поскакала.

– А-а-а-а, я в чём пойду?

Кстати, ботики, очень даже легко могли принадлежать хозяйке – Тане из 44-ой.

Слегка призадумавшись, мы с Катюхой посоветовали взять лодочки у Люды. И Оксана побежала до Люды, через десять секунд она натягивала лодочки доброй и великодушной Люды.

Поразительно! Как у нас у всех был один размер и обуви

и одежды?

– Аль, дай свой плащ, я сегодня в юбке.

– Бери, на вешалке в сушилке висит, – кричу, убегающей в конец коридора Марине.

– Ирчик, я возьму твои тени!

– Ага...

И это была не просьба, а констатация фактов. Набор мигом исчез.

А я только хотела подкраситься. Пришлось пройтись по комнатам в поисках свободной палетки с тенями.

Что самое удивительное – у нас не было краж. Все вещи со временем возвращались к хозяину, тому или иному. Никто не ссорился на эту тему, не было никаких претензий. Все были достаточно взрослыми. К тому же нас воспитывали старшекурсницы. Они как заботливые мамы опекали нас, и когда прощались с нами перед выпуском, мы ревели, обнявшись как белухи.

Отвлеклась.

Вечеринка, посвященная мужчинам.

Нам надо было постараться, потому что мы прекрасно осознавали, что впереди 8 марта.

Концерт нашим мальчикам мы забабахали знатный!

Преподаватели ушли с цветами по домам отдыхать.

После концерта с нетерпением ожидалась дискотека.

Старостат отвечал за порядок.

Комсорги были начеку.

В общажных комнатах наливали не чай.

В холле корпуса разворачивали танцпол.

Ребята были в угаре.

И вот тогда мои соседки подсунули мне эту “свинью”.

Я же говорила, что люблю танцевать. И мне всё равно, что делается вокруг, мне нужна только музыка. Только тогда я уходила в себя и была вполне счастлива.

Третий курс, парня нет, а значит – проблем нет; сессия на отлично, настроение "отпад" – живи и радуйся!

Нет, же, надо испортить жизнь подруге.

Задумали они свой коварный план и закинули «удочку».

Да, я обратила на него внимание еще с первого курса. Он был идеален, красив и недосыгаем.

И сейчас он – просто симпатичный парень, третий курс "инженерно-строительного". Мои соседки разнюхали, что он ни с кем в студгородке не встречается, а там у себя неизвестно, да и не важно. Отбивать не пришлось. Оксанин парень ему сказал, что он, Александр нравится Алле, то есть мне, а он возьми и согласись на знакомство.

Ненормальные. Я их даже об это не просила. Убила бы!

– Что, правда, согласился?

Глава 6

Ой, была у меня история в школе. Но то безответная влюблённость, детские грёзы, слёзы и соп...насморк.

Кончено, идеализированный образ остался.

И вот я ходила с этим идеалом как помолвленная. Не поднимала глаз ни на кого из парней. И так мне было удобно. Мой идеал со мной и мне от этого не одиноко. Танцую с ним, пою с ним, плачу с ним, смеюсь с ним, засыпаю тоже только с ним.

А дело было так.

Автобус был битком забит школьниками, возвращавшимися из совхозного огорода.

Мы, старшекласники, убирали кормовую свеклу. Намерзлись, все в грязюке, с торчащими из сумок ножами, мы заскакивали в холодный автобус ПАЗик и пытались найти место рядом со своими одноклассниками.

В автобус втиснули три класса – наш восьмой, соединённый из двух классов в один, и два девярых.

На моём поясе болтался секач размером с томагавк и я боялась, что кому-нибудь отф...чу что-то очень ценное. Но в момент посадки об этом еще не думала. Моему мачете завидовали все одноклассники и возможно не только. Орудовала я им словно конкистадор, отсекая прикорневые гнилые листья от длинных корнеплодов свеклы, тогда когда другие резали своими столовыми ножичками и руки болели еще долго (к весне всё проходило). Такой секач сделал мне папа, и я была этим непомерно горда!

Светка потянулась за мной, и мы встали возле сиденья, где разместились эти двое из 9-го класса. Когда их одноклассницы плюхались в свободные места (по старшинству полага-

лось уступать место старшим по классу), мы, младшие вынуждены были стоять в проходе.

Вваливавшийся в автобусную дверь холодный народ давил, и мы сжимались, словно рессора мотоцикла молча, но со скрипом. А эти двое парней сидели и явно берегли место для своих девчонок. Мы знали, что у них были подружки. Но подружки остались где-то возле передних сидений и одна из них села с учительницей, другая села на коленки подружки.

Я это наблюдала. (О! Вы не знаете, нас, деревенских девчонок отличало от «центральных»: мы были наблюдательны, проворны, хитры при своей румяной скромности, потом расскажу).

Парни, поднявшись с кресла, окликнули девчат, но те махнули рукой, показывая знаком, что уже уселись.

И тогда ребята глянули печально на нас со Светкой и подвинулись к окну, сев друг другу на коленки. Взглядом они пригласили нас присесть.

Мы с облегчением водрузились парочкой рядом, выдохнули, я поправила свой меч на поясе и села подруге на коленки. Мы сдержанно улыбнулись парням.

И поехали. Автобус запыхтел, дернулся, стоявшие в проходе одноклассники оторвались от поручней и повалились по инерции. Все крепко захохотали, стало веселей.

Сколько мы ехали эти пять километров, не знаю, наверное, часов десять. Нас раскачивало по всем векторам и диагоналям, мы бились о плечи сидевших рядом ребят, а те

втиснутые между нами и окном мило улыбались. Вот же, дороги.

Тот, кто сидел на своём однокласнике был его братом, двоюродным, а терпящий тяжесть – сын нашей классной руководительницы.

В общем, мы сидели с «элитой» (родственниками учителей).

И было приятно, чёрт подери, такому неожиданному случаю. В тесном месте для сидения наши коленки тесно были прижаты, и мне было очень неловко. Я, наверное, была красная как помидор и жутко смешная, потому что он всё время улыбался, поглядывая на меня. Этот предательский цвет лица в самый возник неподходящий момент! Я ненавидела эту особенность своей кожи, она наливалась пунцовым цветом так густо, что я сторонилась мальчишек, очень комплексовала из-за этого.

Решительно считаю себя некрасивой, и всё тут! Классическое русское лицо, с небольшими голубыми глазами, носом не очень, но хотя бы не пухлым и тонкими губами. Лицо было округлым. Тонкие русые волосы выбились из гульки, и торчали во все стороны после снятия платка.

Я, кстати, очень долго анализировала свой вид. Как я выглядела в те минуты? Прибежала домой устала в трюмо и грязными от работы руками перевязала гульку на затылке, растерявшиеся шпильки заменила мамиными. И покрутилась возле зеркала. Почему-то мне я понравилась. Мне

шла эта прическа – не сильно короткая чёлка, чистые волосы в гульке...

Ох уж этот глупый румянец.

Но мой свитер, я думаю, спас ситуацию!

Шерстяной, нежный, белоснежный, связанный бабулей из тонкой шерсти самой вредной нашей овцы, был с прямым воротником под шею. Зрительно увеличивал мою не длинную шею, элегантно облегал её и спускался регланом ниже поясицы. Тонкий, красивый рисунок шёл косами по переду. Бабушка вязала свитер для моего брата, но от стирки подсевший, оказался мал для него, а для меня – самый раз. Я была в брючках, свитер скрывал мою не идеальную фигуру мягкими своими формами. А на поясе свисал кожаный ремешок с моим мачете. Вид у меня был как у Амазонки. Себе я нравилась в этом свитере. И, наверное, такой образ понравился и ему, не скромно подумала я. Вот, дурочка...

Он помигнул мне! Ммммм, девочки...

Еще, будучи в автобусе, я крепко держалась за Светкины плечи и за поручень сиденья, но уже медленно падала в пропасть, и потому время потеряло свой смысл, замедлившись, как в тех мыльных сериалах про любовь.

Ну, вот.

У меня жуткая фантазия, обширное воображение, глубокий идеализм и плохая, очень плохая самооценка. Этого взгляда и улыбки стало достаточным, чтобы я наворотила себе, бог знает, чего и прожила с этим всю жизнь.

Звук мелодии до боли знакомый, это та самая мелодия под которую единственный день в жизни, когда танцевала с ним, на новогоднем школьном вечере. И я углубилась в воспоминания, потерялась в своей нирване...

Прошел этот год.

И вот – новогодний бал-маскарад.

Ах, как я тогда обошла его подружку, четко!

Вот прозвучало долгожданное предложение от ведущего школьного новогоднего бал-маскарада: "А теперь – Белый танец. Дамы приглашают кавалеров!"

До столпившихся над магнитофоном и усилителем ребят не скромно, неспешно и целенаправленно, потянулись, наши самые отчаянные старшеклассницы. И – меня сдёрнула со скамейки неведомая сила. Я подскочила к стоящей возле колонок толпе десятиклассников. Ребята стояли кучкой и перебирали в коробке кассеты, искали треки для танца. А тут я.

Тронула за рукав его маскарадного костюма.

– Можно? – пригласила я его.

Его одноклассники аж выпучили глаза на меня.

Обычно такая скромная Алла, не постеснялась его девушки и сама пригласила на танец! Вот это поворот!

А его Наташа прибежала, да было поздно.

Я уже повела его как телёнка под ёлочку. Бе-бе-бе!

Не могу сказать, достаточно ли я была красива для него в тот вечер. На мне был костюм типа индийской

Шахерезады.

Я выпросила у мамы 6 рублей на пять метров желтого сатина. А так как индийское сари мы уже могли и сами повязывать, после стольких то киносеансов индийского проката, то я накрутила на себе эти пять метров просто и почти профессионально. Надела летние босоножки, украшенные разноцветными бусинами. Навешала блестящей мишуры, закрепила невидимками на гульке, на руки нацепляла все что были у мамы браслетики, и впервые подкрасила маминной косметикой свои невыразительные глазки.

Я словно хитрая Шехерезада, смело повлекла это "животное" за собой. (Их класс играл сценку «Случай в зоопарке»). Он был в вывернутой наружу куртке, (или что-то там, не помню), и взяла ситуацию в свои руки.

Потом он со своей Наташей рассорился.

Потому что, девушка не выдержала такого предательства. Он весь вечер танцевал все "медляки" только со мной...

Смотрел только на меня танцующую, и потом провожал домой, давая круги по посёлку.

Вместе.

Тихоня.

Сама не верила, что так сделала.

Опять отвлеклась.

Глава 7

Еще звучит в фойе учебного корпуса института мелодия из огромных колонок, которую заездили на том школьном новогоднем вечере.

Я углубилась в воспоминания, сидела в кресле, отдыхала и наслаждалась хорошей музыкой.

Как тут подходят моя Оксана с Пашей и рядом Белоснежный Лебедь.

–Хотим тебя познакомиться, Алла. Это мой сокурсник и дружан – Александр, – бойко представил своего друга Пашка и сделал неуклюжий мушкетерский реверанс перед нами.

Эти двое развернулись.

И ушли. Я даже не посмотрела в эти бесстыжие Оксанкины глазки.

Он протянул ко мне руку:

– Потанцуем?

Вечер удался, настроение было просто – отпад, почему бы и нет.

Я была в сиреновом люрековом платье под поясок. Естественно, в сетчатых чулках. На ногах лодочки.

Весь этот гардероб был собранием экземпляров шкафов хозяек разных комнат и даже этажей общежития.

Я сделала себе легкий начёс, а так как причёска у меня была “каре” до плеч, то волосы просто только слегка распушились. Алена Апина, отдыхает.

Макияж не делала сильно выраженным, смысл пугать народ, достаточно, я и так – страшная. Из украшений – на ру-

как блестяли часики, подаренные родителями на 16-летие. В общем, я блестяла в сторонке.

Признаюсь, в этом металлическом люрековом платье я сильно продрогла, но накинуть пальто не думала, потому что собиралась идти к девчатам танцевать.

Когда же закончится эта композиция?

Как назло, девочки меня покинули.

Где-то пропала Соня,

Катя ушла выяснять отношения со своим поклонником.

Почему то включили шестиминутную мелодию «Энигма» и она, казалось, никогда не закончится.

А он был в светлом свитере "под шею", и это еще более удлиняло его фигуру. Как-то очень смело обхватил меня холодными руками за талию. Прижал меня к себе, увлек в самый центр танцующих студентов.

Мы танцевали.

Вместе. Уууф!

Какая же я была юная и ни чем не пуганая девчушка. Такая счастливая. Не то, что сейчас.

Очень тихо и медленно звучала эта «Энигма»...

Потом я поняла, что все ребята были "под шафе". «Если бы он был трезв, то не пошел бы танцевать, отвечаю», – давала я оправдание последующим действия .

В тот вечер, это был единственный танец, что мы с ним танцевали.

Ему вдруг стало не интересно, а может и плохо, не знаю.

Попросил пройтись. Долго искал свою полосатую шапку – "петушок" среди завалов курток. Не нашёл.

Мы пошли вдоль холодных аллей туи.

Дул морозный ветер, порошило.

Быстро замёрзли.

Договорились встретиться завтра и разошлись по общагам.

– Я приду в 9. Выйдешь?

– Ага.

Провел до ступенек фойе, и мы разошлись.

На дискотеку я больше не вернулась. Осмысливала это событие долго.

Укуталась в одеяло, прикинулась спящей и не пошевелилась, когда с мороза пришли соседки. Все тогда тихо легли спать и всё. Я их так же тихо ненавидела.

Утром было воскресенье.

Девочки мне вынесли мозг своими счастливыми пожеланиями счастья в семейной жизни. Вот это их – "вы такая красивая пара", меня злило больше всего.

Александр был высоким блондином с красивыми голубыми глазами, печальным или томным взглядом. Своим видом очень похож на моего старшего брата. Прямая осанка, минимум движений руками, ровный шаг – выдавали его хорошее воспитание. Оказалось, что он младше на год, но кого и когда разница в возрасте останавливали.

Приходил к женскому общежитию, когда было время для

вечернего отдыха. Ровно в девять, после самоподготовки. Тихо стоял в стороне, держа руки в карманах спортивной куртки. И хотя было всегда холодно, приходил без шапки.

Ждал меня.

Ой, девочки...

Мне завидовало полмиллиарда жительниц планеты!

Это был – Митхун Чакрабурти, девочки, (поясню, для тех, кто не в теме: самый топовый индийский актёр, типа корейского, поняли, да?).

При своей красоте он был более чем скромнен, как мне так казалось, что очень удивляло.

Давно заметила его обычность и нормальность. Он не вел себя высокомерно и ехидно, не ёрничал, как другие, не заигрывал ни с кем, не хватался за локотки девочек.

Ходил только в кучке своих сокурсников, смеялся с ними, шутил, забавлялся. И не понятно, был ли он лидером в группе или нет. Занимался бегом, что мне нравилось наблюдать. Носил по кафедрам толстенные охапки проектов, сидел часто один в библиотеке. На выездах в подшефный совхоз, работал как все. Но как бы там ни было жарко, никогда не оголял свой худощавый торс. Всегда носил рубашки с подкатанными рукавами и на поле завязывал концы планок джинсовой рубашки в узел на поясе. Когда все ребята раздевались до трусов, чем вызывали оживлённую панику и снижение производительности у девичьего батальона собирательниц помидоров, этот зачем-то скромничал.

Легкие, волнистые, светлые волосы спускались с висков, в проборе делили причёску на равные половины и зачесаны были всегда прилежно. (Казалось, он единственный из парней в институте, кто не делал химическую завивку). Худощавое телосложение, торчащий юношеский кадык из тонкой нежной шеи волновали девичье воображение, больше чем было прилично.

Лицо было настолько идеальным, что мне не верилось, как такие боги живут среди людей.

Тонкие руки и красивые пальцы держали мои далёкие до совершенства кисти рук, и я подозревала – мы абсолютно не подходим друг другу.

Заметили, что я так детально описываю человека?

Потому, что – женщина. Мы это делаем «оценивающе».

Вечерние прогулки и встречи мне были не просто приятны, это мне страшно льстило и помогало отрешиться от школьной позапрошлогодней истории.

Мы невесть, о чём болтали. Заметила, что разговор как-то тупит по непонятным причинам. Не находилось хотя бы каких-нибудь общих тем.

Я выглядела слишком контрастно, по сравнению с ним, да еще и выяснилось старше его. Разница в год, а то и в два давала знать провалами в интересах, и темы клеяться ни как не хотели.

Я очень переживала. Нравлюсь ли?

Но если бы не так – не пришёл бы.

В общем, это было всего то – первое свидание. А будто сотое.

Я скинула своё клетчатое полупальто, пока поднималась по лестнице на свой этаж. Поднялась идти по коридору. А мои сводницы выглядывают из дверей и хлопают в ладошки. Поздравляют, мерзавки!

– Ну, как?

– Ну, что?

– Целовались?

– Дурынды! Ну как так можно, на первом свидании! Что обязательно? – рассердилась я на " подружек". Вот вообще, ничего святого. А поговорить, понять друг друга, привыкнуть...

А они, почему то расстроились, что ничего интересного не произошло, и я еще оставалась нецелованной целые сутки.

Глава 8

На завтра мне преподавателем были поставлены задачи по оформлению одной из аудиторий. Занятия я могла пропустить, "н/б" мне не поставят.

Занесли для работы в пустой кабинет стенды, снятые со стен и "приказали – жить".

Было очень не по себе – мои сидят и пашут, зубрят, корпят над чертежами, получают двойки, а я тут занимаюсь, пустой работой. Обновляю информационные стенды.

В своей группе меня не судили, не злились, не завидовали.

Потому что хорошо знали, что скоро праздники и мне опять начнут носить охапки открыток, чтобы я их подписала своим каллиграфическим почерком.

Я старалась помочь всем девочкам, в этой их просьбе отказать было смерти подобно. Меня за это уважали. Надеюсь.

Колясик нужна была от случая к случаю, но это меня не напрягало, даже забавляло.

– А ты своему тоже так подпишешь открытку с Днём рождения?– полюбопытствовала Катя.

– Почему он мой? Никакой он не мой, – пожимая плечами, выливали от ответов я.

Так я до сих пор не знаю, когда у него День рождения, да и зачем мне это.

Вся эта история, не поверите, длилась ровно месяц.

Я вышла на «крыльцо встреч», на это Лобное место, где он стоял и ждал. Кто-то из парней со второго этажа ставил на "проветривание" окно и вечерами выставлял на подоконник свой магнитофон. Мелодия нежного "Сталкера" с его «Прощай Алиса» разливалась между двумя зданиями и вносила в наше сообщество супер романтический эффект.

А за спиной, со всех окон, спрятавшись за тюлями, из чёрных дыр окон, я знала, наблюдают за нами все. И тоже обсуждают с ног до головы. В такие моменты приходило ужасное чувство, что ты как тот микроб в чашке Петри.

А мой ухажёр взял за руку и повел во дворики, туда где были лавочки.

Я чувствовала разбитость и усталость после того, как нагнувшись «в три погибели» редактировала стенды и совсем не хотела идти гулять. Болела спина и ноги. Хотелось очень спать.

Но подкупала его настойчивость. Она была робкой и не совсем уверенной, как будто, что-то мешало ему проявлять себя. Или он был не опытен, или его сдерживала какая-то обязанность. Но чувствовалось всем нутром, что он не будет чересчур настойчивым, как полагается современным ребятам. Это бывает сразу заметно – в какой чёрт юбке.

В воздухе уже пахло прогретой на мартовском солнце почвой. Еще было холодно и вечером было недостаточно хорошее настроение, чтобы флиртовать. У него, кстати, тоже. Александр больше отвечал на мои вопросы, а я делала вбросы в пустоты нашей бестолковой беседы.

Ну, почему такие красивые парни, так себя ведут, как будто они не боги? Сидит рядом, что-то там отвечает, что-то иногда говорит. Я уже измучилась в поисках тем интересующих его. Было непонятно, о чём он думает, что хочет...

Но, не смотря на пустоту встреч, снова приходил после самоподготовки на крыльцо, и ждал, пока я неспешно оденусь.

Простите меня, что я редко употребляю имя парня, а использую местоимение, будто указываю на предмет, а не называю его. Правильно, предмет, объект.

Шучу!

Девчонки радовались за меня и огорчались одновремен-

но. Они сулили нам долгую дружбу, любовь и всё такое. И вот это их "какая красивая пара". Пришибить мало! Он – да! Я, по сравнению с этим богом – лягушка. Не, жабка.

Его тонкие жилистые руки и длинные пальцы держали мои тревожные кисти и тащили по дорожкам по этому, нашему парку. Он иногда рассказывал о каких-то редких растениях, как им тут на этих солончаках плохо. И как они тут засыхают, бедные.

Я стала замечать, что он стал более разговорчив, чем еще несколько дней назад. Вот, честно, не питала иллюзий о нашей долгой дружбе, мне нравилось это непринужденное общение, и ни чему не обязывающие встречи.

Мы были заняты учёбой и бытовыми делами. Встречаясь в учебном корпусе, улыбались друг другу. Но не общались, так как нарочито, как делали другие: хватались за руки, подолгу разговаривали у окна, уходили вместе, приходили вместе. Нет, у меня такого не было. Может отчасти от того, что еще живо было моё чувство к моему идеалу, и я сравнивала – соперник ли это?

А если я приму всем сердцем его, то не будет ли этот мой выбор сердца считаться предательством?

О, Господи! Что же это за сила такая – влюблённость. Мешает жить, но и наполняет сердце счастьем, теплом, нежностью. Мешает построить крепкие реальные отношения с реальным человеком, которому ты вдруг стал интересен. Почему устроена так психика тонко чувствительного человека

– художника, поэта, музыканта, особенно если это женщина? Однажды, растворившийся Лель уже не вернётся в другом земном образе, а на поиск утраченной любви может уйти вся жизнь и так может и не наступить время прекрасного Белого танца – когда дама приглашает своего кавалера. А кавалер боготворит свою даму.

Глава 9

Спорт.

Я хорошо бегала на длинные дистанции.

Преподаватели физподготовки наметили маршрут марафона для девочек и для парней. Я стала в шеренгу и как сама понимала, что такое бег на 9 км, то стартовала со всеми, но не спешила.

Взяла ритм, выровняла дыхание и взяла темп, 5 км пробежала так, что отстала от массы бегущих. Прибавляла темп по-тихому. Меня никто не учил этому. Я сама много бегала в своем посёлке, нравилось. Эта была идеальная свобода. А тут по прямой – делов-то.

Проселочная дорога.

Вот стали отставать девочки одна за другой, вот показалась спина самой длинноногой бегуны. Нас к финишу должно было прийти несколько человек. Думали, что справятся, но справились мы втроём.

Я пришла третьей. Темп выдержали, со временем справились, норматив сдан на "отлично", нам вручили грамоты.

Саша радовался моей победе. Сам же пришёл среди ребят первым.

Чуть хуже был мой результат на стрельбище. Вышла только в финал, но правда, это был уже общий зачёт. Выйти в финал среди всех курсов, обогнать всех девчат и соревноваться с парнями, было честью. Немало удивились ребята из нашей группы такому моему успеху:

"У нас тут завелась амазонка", – шутили сокурсники.

Группа Александра выиграла турнир по футболу.

На этих эмоциях прошёл весь наш вечер. После студенческой спартакиады мы, наконец, нашли, о чём говорить. Ему очень хотелось похвалы. И мы сидели – призёры без "задних ног" на свидании, и рассказывали всякие смешные истории, какие происходили у ребят на соревнованиях.

О своей «прошлой» жизни, и о доме мы почему-то в своих разговорах не касались.

Я подозревала, что у него есть девушка, в том посёлке, где родители. Он часто смущался, то приобнимет меня, то отодвинется. То возьмет мои руки в свои ладони, то отпустит.

Однажды у меня вырвалось:

– Ой, такие красивые у тебя пальцы, не то, что у меня.

А он взял мои "руки ремесленника", как называла бабуля мои руки, накрыл их своими «греческими» ладонями и сказал:

– Вот чего ты всё время прибедряешься, Аль. Ведь это не так! У тебя очень тёплые и нежные талантливые ладошки.

Я просто очумела!

А он развернулся, лёг на скамейке и положил свою бело-гривую голову мне на колени. Так и провалялся с полчаса.

А я гладила его светло-русые волосы и молчала.

У меня ноги затекли страшно, но сидела как мраморная статуя, и не могла даже думать пошевелиться. Что-то всколыхнулось во мне такое тёплое, не знакомое и почему то на вернулись слёзы.

Я почувствовала себя в тот момент нужной, желанной и красивой.

Мне очень важно было чувствовать себя привлекательной, потому что от этого зависела моя судьба. Я видела, что его тоже волновало, что-то. Но слов не последовало, он упорно молчал, и до меня медленно вкрадывалась мысль, что он просто развлекается, поднимая мужскую самооценку.

Взрослели студенты.

Сердечные драмы у нас происходили каждый раз.

А я не хотела этих слёз в ночную подушку, мне и без того хватало.

Но, почему же мне было приятно быть рядом с этим божеством. И я мучилась, боялась признаться себе в этой догадке, так мне было хорошо. Это я сейчас понимаю, что это могло быть. А тогда, была наивной, не грамотной, простушкой, с высокими идеалами, высокими целями и отсутствием рассудительности.

Я каждую встречу переламявала себя и успокаивала тем,

что возможно хоть чем-то привлекаю его, а не являюсь объектом праздного времяпрепровождения.

И начала обратный отсчёт, сдавая назад.

Только не знала с чего начать.

Когда весна на всю катушку трудилась, чтобы внести своё календарное тепло, шла всего вторая неделя наших встреч.

Но вот группы стали разъезжаться по производствам на практику.

Нашу группу распределили в СМУ – 23. Дали разрядки, и мы занялись наведением бумажного порядка в той конторе. Работы было просто море.

Всё, что нам принесло безумную радость, так это питание в столовой СМУ. Ну, наконец-то то мы хорошо питались. И за эту неделю, если не считать всей этой бухгалтерской бездны, то мы себя считали отдохнувшими как на курорте. Взрослые окружили нас, зелёных специалистов, материнской и отеческой заботой. Приглашали после учёбы на работу.

После работы мы ходили по городу, бегали в кино, желающие посещали мини-концерты, заезжающих артистов. Я лично была на концерте в маленьком амфитеатре, где выступала звезда страны!

Но во время самоподготовки за нами строго следил преподаватель, чтобы мы писали отчёты и дневники.

Зато потом можно было погулять до полуночи.

Во время практик с группой очень сближаешься, будто

становишься членом большой семьи. Работу распределяли по бригадам, из успевающих ребят выбирали мастера.

Фронт работы был очень объёмным, содержательным, и за неделю надо было успеть написать дневник, заполнить журналы, подготовить отчёт.

Надо ли говорить, что курсовая практика – это самое желанное время для студента? Думаю всем и так известно. А так как мы здесь очень концентрируемся, то быстро взрослеем. Дальше будет практика производственная, там мы уже разъедемся по своим местам и увидимся, через месяц, чтобы писать дипломную работу.

Отношения в группе стали крепче. Мы стали сплочённым коллективом и настоящими друзьями.

Глава 10

А тот случай, с местными, доказал, что мы – один за другого. И любого, кто обидит друга – порвем на части.

Выходной день. У нас, с местными работниками строительной части был организован активный отдых – турнир по баскетболу.

Спортзал находился на отшибе города.

Мы здорово играли. И не важно, какой счёт был, хорошо развеялись. Запасный выход спортзала был открыт на двор и через открытые двери струился свежий воздух, и заглядывались на игру любопытные местные парни.

Эти жадные до приключений лица неопределённого ро-

да деятельности явно были рады новой свежей человеческой массе, которой обязательно надо было "начистить рожки", просто потому что приезжие.

Наши ребята в перерывах выходили покурить на дворик. Местные, пропуская чужих, на свежий воздух, провожали их до места курения. Они, высокомерно ухмылялись, и посылали призывные знаки – для выяснения отношений. Провокаторам пока не удавалось найти повода, повеселить свои кулаки.

Но вот баскетбольный турнир подошёл к концу.

Рабочие строители пожали студентам руки, похлопали по плечам. И стали расходиться по домам.

Мы были очень довольны, что встреча удалась. Парни, собирая со скамеек свои одежды, пошли в раздевалки.

А наши девочки...

Что-то там закопошилось за дверями запасного выхода. Мы, болельщицы, сидели в зале и ожидали сбора в общежитие, обратились туда. Переглянулись. Из нас в зале не было Кати, и еще двух девочек. Все ребята собирались в раздевалке. А мы пошли к дверям во двор посмотреть, что там за шум.

Открываем, а там картина: местные чуваки наглым образом тянут наших девочек, куда-то вглубь двора, до каменного забора.

Парней было человек шесть.

Я так вскипела, что кинулась за Катей и стала не шумно

высказывать своё возмущение. Что за дела?

Девочки сами вышли во двор, наверное, то ли «пофарсить», то ли поболтать. А тут подкатили местные красавцы и стали "подбивать клинья". Разговорчики были сначала так – для заигрывания, а потом пошли гнусные приставания.

Один из них подпер своим телом двери, остальные окружили перепуганных девчат.

Катюша накинулась на одного и – неудача... Шаловливые ручки того и хотели. Ну, хулиганы вошли в азарт и, окружив девчат, попятели их в закуток. Двери приоткрылись и тогда мы слышали этот шум.

Я держала за рукав куртки самого кучерявого с дурацкой химической завивкой на тупой башке.

Его черные мелкие глазки и квадратное лицо с пренебрежительным оскалом, выдавало его очень плохое желание.

Стала высвобождать подругу из кучерявых лап.

И тут он меня так толкнул, что я чуть не упала, но подскочила и опять вцепилась в замок рук. Вскипевший возмущением, что какая-то пигалица скачет перед его носом этим и... выпустив Катю из захвата рук – ка-а-а-а-ак размахнулся, да ка-а-а-а-ак врезал мне пощёчину, что я отлетела в кучу с песком.

Всё это действие было каким-то секундным делом.

В это время девочки орали, вызывая из раздевалок наших парней и они, услышав ор своих однокурсниц, высыпались во дворик.

Завязалось чёрте что...

Они еще дрались, когда выскочил наш физрук и разогнал эту свору. Девочки отряхнули спортивные костюмы, и пошли умываться, шморгая своими мокрыми носами.

Так вышло, но попало мне знатно и от тех недоумков и от преподавателя...

Я вернулась в общежитие с красной щекой.

Мы сидели тихо, сложив ручки на коленях и склонив головы, выслушивали причитания нашего физрука и воспитателя.

Остальные дни были спокойными, без потрясений и эксцессов.

Вроде, все уже утомилось.

Мы продолжали работу, вечерами не стали ходить в город, ребята нам запретили. И мы все сидели в общежитии, болтали о жизни, читали книжки, скучали.

Заметила, что мои соседки по комнате что-то стали скрывать от меня. Почему я это заметила?

Мы обычно вечерами перед сном обсуждали все нюансы отношений с нашими парнями, с которыми встречались в студенческом городке. А тут, когда я начинала рассказывать про свои чувства и волнения, то мои сводницы замолкали или переводили тему.

Один раз заметила, другой раз, потом, заподозрила что-то неладное.

– Что происходит? – поинтересовалась я у Сони, когда мы

заполняли журнал по ТБ. – Может, вы знаете, то, что я не знаю? Так! Колитесь!

– Та, ничего, – не поднимая своих четырёх глаз, ответила подруга.

Такие ответы меня не устраивали. Девочки, либо что-то задумали, или возникла ситуация.

Оксана на меня смотрела жалостливым взглядом, свернув губки бантиком.

– Пиши, давай! Или я сейчас буду тебя лупить, – отшутилась я, швырнув в Оксану тетрадкой.

Вот именно на практике они стали вести себя странно по отношению ко мне.

Они прямо как курицы над цыпленком возились со мной. А однажды неожиданно Катя предложила:

– Мой солдатик предложил, познакомить тебя с его самым лучшим другом. Он такой классный, – и протянула фото её парня с другом.

– Я чего-то не поняла. Тут, по-моему, уже меня кто-то познакомил и я, вроде бы, встречаюсь. Нет? Девочки, глянув на фото, одобрительно покачали своим головами и посмотрели на меня.

– Что!?

– Ну, это... – протянула Оксана.

– Продолжай!

Я захлопнула перед ней амбарную книгу и ожидала продолжения истории.

...Возможно, я бы в другой ситуации ревела в подушку и выжимала её время от времени по причине горьких рек моих слёз.

Но не сейчас прям. Новость я приняла со спокойным сердцем. На что мои сводницы удивились. Они боялись, что целостность моих вен на руках может быть нарушена и помочь будет некому, потому что они все попадают в обморок.

Убрали с глаз долой нож для заточки карандашей.

Оказалось.

Паша проболтался перед практикой.

Группа Саши попала по распределению на практику в посёлок, где он жил. Это на две недели.

Ситуация оказалась банальной, киношной, заезженной.

Парни его группы, оказывается, тоже решили помочь в беде своего дружбана.

Итак: у Саши была девушка, там дома. Они встречались со школы. Родители семей между собой дружили и решили, что будет хорошо, если после окончания Саша устроится на должность мастера в конторе, где работает начальником отец девочки. Семья хорошо устроена, живут в центре, имеют последнюю "Ладу", виды – на квартиру в строящемся кооперативе.

Вобщем, хорошее будущее будет обеспечено. У него родители учителя в школе. Вроде тоже все хорошо, но надо устраивать жизнь детей. Дети между собой вроде и дружили, но Саше явно вариант этот не подходил. То есть особых

чувств не было. Родительский расчет. Ну, а как ты попрешь против этой системы.

После института Саша собирался в Морфлот, чтобы не сразу попасть в семью и быт. С решением родителей он был согласен, потому что был безволен перед такой явно благополучной перспективой.

Я так думаю, что вся эта история давила на мозги молодому организму и пыталась вырваться наружу.

А пока они, там, в курилке размышляли ночами и подыскивали вариант на ком можно снять стресс перед армией.

Подружка должна была иметь особые параметры: скромная, одинокая, доступная, не психичка, немного дура, но "симпотная".

Паша решил, что это будет однокурсница Оксаны. Ну, чтобы наверняка. Надо же перед тем как подкатить, подготовить почву.

Саня должен быть готов к взрослой жизни!

Выбор пал на меня.

Ах вы, боги – боги, какие вы...

Глава 11

Ну, всё хватит!

Я вспомнила, что у меня есть запасной вариант. И, чтобы не чувствовать предательство по отношению к своей мечте – быть когда-то в будущем очень рядом с моим идеалом, разревалась в подушку. Но эта слабость, лишь только по причи-

не, что его – «спасителя», нет рядом. А не из-за этой якобы «новости».

Девочки меня в тот вечер успокаивали. Но, дуры, так и не поняли они, что за смятение заставило меня так реветь.

Они чувствовали себя виноватыми и обязанными исправить ситуацию.

– Вот приедем в общагу! Вот я им всем покажу, вот отомщу! – кричала и топала ногами рассерженная Катюша.

Как в кино, ей богу.

Возможно, прожигательница сердец Катюша вспомнила все свои драмы.

Она бросилась ко мне на спину, обхватила мои плечи и зарыдала со мной.

Ревели мы всю ночь.

"Только ты меня не можешь предать, моя мечта. Ты всегда со мной", – скулила я и крепче сжимала мокрую подушку.

Нет, обидно не было, просто...

Такой красивый...

Такой бывает только раз в жизни. Что ж.

Интересно, а ставки были? Сколько понадобится времени на то, чтобы она (я) позволила себя для начала просто поцеловать...

И вот с таким багажом девичьих треволнений, мы вернулись домой в студгородок.

Пока длилась защита нашей практики я, деликатно, отказалась от встреч.

Ну, и чтобы не заподозрили, что я – в курсе.

Честно. Не верилось во всю эту историю. Иной раз казалось, что это шутка, выдумка. Да, ребячатся парни, играют.

А не сыграть ли тоже?

Прикинусь, что не было этого разговора.

Что я теряю, если не позволю собой манипулировать?

Буду осторожна.

Уже стало пригревать солнышко и вечера казались такими романтическими, что сидеть в комнате было преступлением.

Сашка был в дежурной группе, которая проходила по девчачьему общежитию с проверкой комнат на чистоту и порядок.

Кто до этого додумался? Проводить такие гендерные проверки?

Но было забавно. Ребята ходили в женское общежитие, девочки наоборот, проверяли порядки у ребят. Такие «шмоны» были два – три раза в неделю.

Эти проверки были во время самоподготовки и мы, естественно, сидели за конспектами.

Группа проверяющих студентов уже слышно как подходила к двери нашей комнаты.

Волнение подкатило к горлу и стало комом, в ушах стало закладываться.

Чувства стали оголяться и бороться между собой. Схватка мыслей в моей голове довела до тупой боли в затылке.

Сердце выскакивало в звенящей тишине, что воцарилась на этаже, было слышно, как гроыхает моё сердце. И вся душа сыпалась куда-то в тапочки.

Девочки посматривали друг на друга и уставились на меня.

– Держать, Алька!

Я махнула на них рукой.

В комнату вошли четверо парней.

Это были: конечно, Пашка – поклонник Катюши; краснеющий студент первокурсник, и Саша.

Они с ходу поставили нашей красоте "5".

Пашка подмигнул Оксане, она в ответ скрутила кулак ему, он хохотнул. Катюшин топтался на месте, не зная, что сказать. Уставился на Катю, которая игнорировала его присутствие, стояла у окна, спиной повернувшись к проверяющим (на кроватях, во время проверки сидеть строго запрещалось, снимали сразу баллы).

Раскрасневшийся от смущения «первак» держал дверь наготове, чтобы убежать.

Сашка, как только вошли, так сразу шёпотом, выразительно показал губами: "В девять!" И подождал моей реакции.

Я артистично кивнула.

Он улыбнулся. Так искренне, так желанно, так ясно, как будто, правда, соскучился. А мне было сквозь улыбку так досадно. «Может быть, ошиблись, твари?»

Ах, ты морда смазливая.

Где парней таких прекрасных делают, божечки?

Вечером он был необыкновенно хорош.

Этот белый свитер под спортивной курткой источал очень мужской аромат.

Тогда редко, но можно было в городских магазинах найти хороший рижский парфюм. Это был он – одеколон от Дзинтарс – "Тайфун".

Необычно сегодня оказался внимательным и обходительным.

Принес шоколадку.

"Вот, оно, пошло. Съездил домой, нагулялся", – подумала я.

Но показала, что мне очень приятно.

А сама просто орала в сердцах, готова была задушить и его и соперницу, и Пашку, и всех-всех!

И возникло впервые в моей юной душе новое чувство – РЕВНОСТЬ.

Глава 12

На лавочках сидеть было холодно.

Чтобы не распускал руки, попросила походить по парку, а там, как известно народу просто тьма и остановиться, чтобы... уединиться, не было никакой возможности.

– Следующий раз будь внимательной, пожалуйста, – как-то строго, по братски, сказал он мне, не меняя позиции. Как шёл прямо, держа меня за куртку, там, где была талия, так

и не изменил позиции.

Меня дёрнуло как током.

«С чего такая забота вдруг?»

И у меня вдруг всё начало спутываться.

Весь тактически продуманный план по раскрытию дерзкой задумки целой компании, развернувшейся против маленькой меня, стал пробиваться зловредной вирусной программой.

– Я знаю, что произошло у вас на практике, – тут он остановился под берёзой.

А березовые красивые тонкие веточки с нежными тронувшимися почками, ниспадали на дорожку и окружили нас.

– И что ты знаешь?– полюбопытствовала я

– Что ты защитила подругу.

– И кто еще осведомлён?

– Все! – как-то неприятно строго заговорил Александр.

– В дирекции были разборы полётов. Попало преподавателю. Я прошу, не делай так больше, ты подвергаешь себя опасности. Мало ли что у таких отморожков на уме, а вдруг нож? Ты меня слышишь?– резко взял за плечи, что с головы сполз капюшон.

И посмотрел прямо в душу.

Какие глаза...

Я очень хотела сейчас сказать: "А то, что вы тут напридумывали против меня, не может представлять опасности, нет?"

– Это хорошо, что ты защитила подругу. Но где были ваши ребята, они должны были не допустить этого! Вдруг бы с тобой что-то случилось!

Я затупила окончательно.

"Оправдываться ли мне? Перед кем, перед тобой? Да кто ты такой? Я тебя не знаю, ты меня тоже. Кто я тебе? Девушка твоя верно ждёт тебя дома, готовит приданное! За неё переживай, а то не ровен час – отобью!" – кричало во мне всё моё утро.

Я не смотрела на него, а мимо, на тонкие пряди просыпающейся берёзы. "Блин, всё так красиво начиналось...

Почему же так не везёт".

Из глаз предательски покатались капли.

– Что ты?– сник его строгий тон. – Что ты?

Он нежно обнял меня своими длинными руками. Я почувствовала тепло его свитера и гулкий стук сердца. Нос сопел как у тельца, дыхание стало глубоким. Я расклеилась.

«Амазонка сдалась! Я вовсе не смелая и решительная, а пугливая как котик. Наверное, ты победил!».

Я уж и не помню, что говорила.

Он что-то спрашивал, а я в куртку ему отвечала, слёзы накатывали Айвазовским штормом. Я хотела, чтобы меня никогда не обижали.

– Время. Пора идти, – сказала я.

Он глянул на свои часы «Монтана». И мы молча пошли к общежитию.

Уже и наговорились и пришли в себя.

Ну, зачем было всё так сегодня... испортить.

Держа меня за талию, он неспешно провожал меня к площадке.

Всё чего-то искал, высматривал.

Фонари тускло освещали место «причаливания лодок» счастливых пар. Он подождал, когда народ немного разойдется.

Взял меня в оборот.

Обнял за шею горячими руками и... потянул мою голову к себе.

Сам наклонился.

И тут я почувствовала, как он неистово входит в моё личное пространство без разрешения...

И это его прерывистое дыхание, нос приближается к моей щеке.

Саша поворачивает голову...

И вот, уже пошёл момент для поцелуя. Едва прикоснувшись к моим губам...

он уже приостановил своё дыхание...

...И тут до меня доходит обработанная ранее, еще, будучи там, на практике, мысль: "Нет, я не могу тебе ответить тем же. Я не хотела этой игры, мне не нужен опыт, я не хочу, чтобы это все начиналось так, не искренне".

В тысячные доли секунды мозг обработал терабайты мыслей, пока его тёплые губы касались моих.

"Батюшки, как я этого хочу, и не могу!" – проскочило в моём мозгу.

Удар молнии.

И всё закончилось, решение было принято:

– Не, я не могу тебе ответить тем же. Прости. Я лучше пойду, – сказала ему глядя в серые от вечерних сумерек глаза, которые были вот, тут, запретно близко к моим.

Я увернулась из объятий. Он попытался удержать, но я была неудержима.

И ушла.

Обернувшись, я увидела, что он медленно пошёл прочь. И я побежала.

Что это было?

Глава 13

А было это похоже на СУПЕРЛУНИЕ.

Одно из самых неоднозначных событий небес!

Явление, происходящее при совпадении полнолуния или новолуния с перигеем – моментом наибольшего сближения Луны и Земли.

Когда прекрасный спутник приближается к планете так близко, что мы можем наблюдать пугающий своим великолепием его облик.

Такой прекрасный вид, одновременно – и опасный для планеты, своим нахлынувшим действием: усилением магнитных волн, сбоем в электросетях и радио; возникновени-

ем смерчей, резкой сменой погоды, пробуждением вулканов, возникновением катаклизмов, повышением давления и ухудшение самочувствия у жителей Земли.

Суперлуние, от этого явления очень трудно оторвать взгляд!

Оно мне надо?

Я успокаивала себя тем, что думала – Александр не искал дружбы, а я не хотела того, что он желал.

Расстались и даже не смотрели друг другу в глаза, когда встречались в коридорах института.

Больше я не видела, чтобы он с кем-то здесь встречался, поэтому версия о девушке там у него дома была, скорее всего, правдивой.

– А, что ты хотела, девочка? Но ты ведь сама мне говорила, что он тебе понравился еще на первом курсе. Что же ты? ...Сама привлекла, сама и отшла. Подумаешь, подружка у него. Когда это было проблемой? – размышляла студентка четвертого курса, так, как будто она сама была в похожей ситуации.

Она тактично выдержала момент моего озарения, а я сама всё поняла.

Так я безопасно для себя прошла ещё один уровень взросления.

Нашла друзей, испытала свои чувства, увидела своё нутро, попыталась сделать выводы, для того, чтобы не совершать ошибок.

Но сомнение еще очень долго не покидало меня, и я надеялась, что хоть сколько-нибудь нравилась этому богу. И не сильно его "обломала".

Конечно же, было слишком, в таком случае, допускать мысль о том, что он был влюблён. Та, нет.

Я никогда не верила в то, что в меня можно влюбиться. Да, я могла нравиться за то, что могла быть милой, смешной, заботливой, внимательной, забавной, но не той, по которой так страдаю мальчики, плачут отвергнутые, нервно курят и пьют, только из-за того, что не могут быть рядом из-за драматичного отвержения. Я никогда не испытывала такого чувства, как восхищенные взоры. Посредственной девочкой считала себя – да.

Но не Музой.

А может быть такое, что я ошиблась?

История еще имеет романтическое продолжение, но это будет чуть иное.

С 1 сентября пришли новые группы и вернулись из армии, те, кто был призван из нашего института. Я перешла на четвёртый курс.

Этот год разнообразил мою жизнь настолько, что вспоминать об этом можно поднимая всякий раз тост за долголетие супружеской жизни.

Тут у меня уже работал мозг. Видел глаз, и приходили разумные решения.

Своего будущего мужа я сама пригласила в свою жизнь,

как на тот Белый танец.

Сама выбрала, и не отпускала, потому, что время было выходить, на конец, замуж и не идеализировать отношения.

С тех пор, я убеждена, что замуж надо выходить по расчету.

Любовь возникает и от того насколько ты хорошо узнала человека. Потом, очень на многие вещи смотрите одинаково, многое объединяет. Возникает союз, а не брак. Со временем приходит ответственность за взятые обещания быть друг другу самым единственным. И сквозь кучу моментов ревности, непонимания и разногласий приходит четкое понятие, что этот человек – вот он рядом, он берет слово и исполняет, он нежен и заботлив, потому что ты нежна и заботлива, он выполняет просьбу, потому что ты выполняешь просьбу. Тут взаимообмен непрерывный.

И ты потом говоришь, вот этот – человек моя жизнь! И я его выбрала, а он позволил себе сделать всё остальное.

А не вот это вот всё – девчоночьи треволнения.

А вы спросите: «А тот другой?»

Тот прекрасный, словно греческий бог?

Да, что об этом говорить. Думаю, что – замечательно.

А я всего лишь хотела написать повесть о девичьих переживаниях в наши светлые Восьмидесятые, вспомнить моменты и улыбнуться.

И не предполагайте здесь, пожалуйста, что упомянутые люди имели чувства симпатии ко мне.

Нет, только не это.

Не разрушайте мой миф.

Даже если весь этот рассказ – просто вымышленная история, написанная осенними короткими вечерами, когда ветер стучит опадающей листвой в окна, и хочется весны и березовых распускающихся листочков. Пусть будет...

Через много лет, когда мы собрались на встречу выпускников и одновременно юбилей нашего института, а теперь уже – университета, я узнала, что Александр, сначала уезжал куда-то надолго, и о нем никто ничего не слышал.

А потом снова случайно его встретили здесь, в нашем городе.

Сокурсники сразу узнали его.

Он просто слегка поправился.

Но всё также был хорош!

Только занятие по жизни у него не обычное...

Глава 14

Ах, как давно это было...

Храм располагался на площади, окруженной платанами. Листья уже начали опадать с деревьев, и дворничиха, нерадиво, собирала их в кучки на зеленой траве. Порывистый дневной ветерок игриво подбрасывал листья из-под метлы и гонял их через дорогу. Листья казалось, убежали от предстоящей участи – быть сожженными у костра возле православного храма. Это было забавно наблюдать за этими "побега-

ми". Однако, дворничиха не обращала на эту массовую беготню внимания и с той же безразличностью собирала оставшиеся листья и складывала их в теплую кучу.

Дымок из нескольких таких костерков заполнял площадь и тянулся через пешеходную дорожку к реке, там он перетекал через её каменное русло, застилал жилые кварталы.

Люди, занятые своими делами, не обращали внимания на этот едкий туман, только прикрывали носы воротниками и спешили дальше.

Мне, подростоку-пионерке, было поручено родителями – присмотреть за бабушкой, чтобы она не потерялась в городе. Я ждала ее на площади и развлекалась наблюдением за листьями, которые панически метались вокруг...

С тех далеких времен многое изменилось. Улицы убирают машины, уборщики лишь выметают остатки от подвижного механизма.

Но всё также опадают листья с платанов, которые выросли и стали могучими деревьями окружающие этот голубого цвета храм. Редкий лист мог сбежать от своей участи быть загруженным в топку мусорной машины и убежал через дорожку к ажурному ограждению скованной гранитом реки. Он цеплялся за металл и старался спастись.

Дежавю.

Я когда-то это уже видела.

В этот пятикупольный храм я уже как сто лет не заходила. С тех пор как не стало бабули, я перестала посещать его.

Хотя желание посетить этот архитектурный комплекс, отрезавированный, сияющий золотом потали на куполах, окрашенный в тот же нежно голубой разбеленный лазурный цвет. Только лишь потому, что это память моей юности, память о бабушке, я решила здесь постоять. На этом месте, где обычно дожидалась после долгих литургий свою бабушку, когда она еще задерживалась около лотка с иконками и тщательно выбирала очередной образок.

Я тогда висела на ограждении и бросала в протекающие тёмные волны реки листья.

И сейчас я облокотилась на холодные поручни того же кованого ограждения, бросила лист на водную гладь и мутные воды понесли его вдаль от меня.

Мимо этого величия дореволюционного зодчества я проходила каждый раз в свой офис, находившийся на той стороне реки. Только пройти по мосту.

Красиво всё у нас, ухоженно. А тогда.

Тогда это место было место паломничества очень пожилых людей, увечных, несчастных и людей, страдающих от алкоголизма. Как мне казалось – место было не столько одухотворенным, скорее отпугивающим.

Нежная голубая лазурь давно облупилась, и в старой штукатурке зияли дыры обнажая слои еще более старой, но видно очень крепкой смеси, замешанной на глине и гашеной извести.

Каждый раз нам приходилось приезжать в этот город на

автобусе издалека, чтобы не пропустить единственный рейс обратно.

Бабушка старалась воспитать меня духовно, но я всегда только сопровождала ее на это место. К сожалению, я так и не смогла по-настоящему увлечься духовным развитием, и мечты моей бабушки так и остались неосуществленными.

В школе я хорошо училась, но единственный предмет, который меня действительно интересовал, была математика. Поэтому родители приняли решение отправить меня в строительный институт, где открылся новый факультет по бухгалтерскому учету и аудиту.

Я стала изучать экономику.

Институт находился в малонаселенном микрорайоне за городом, и из-за постоянного недостатка студентов на первые курсы туда было легко поступить.

Мимо пролегла железная дорога, и я каждый день ездила на электричке два часа из своего района. Это было гораздо удобнее, чем добираться на автобусе до центра, а потом идти пешком или ехать на троллейбусе, которые курсировали крайне редко – всего три раза в день.

Мои однокурсники и я нашли друг друга в социальных сетях, и теперь мы регулярно обмениваемся милыми электронными открытками и подарками на различные праздники.

Мы познакомились около 15 лет назад, и все уже с нетерпением ждали возможности снова встретиться – возможно,

на юбилейном мероприятии нашего великолепного университета. Может быть, наконец-то удастся собраться вместе на этом знаменательном событии.

...Я здесь очень спешу, потому что еще не придумала, как описать тот момент, когда повстречала его...

Представьте себе, девочки:

...Он проплывает мимо этого грешного мира плавно и неторопливо, делая мягкие шаги и взмахи руками. Его осанка прямая, словно у солдата, его шаги ровные и уверенные. На мгновение мне показалось, что это капитан, идущий по палубе своего корабля. Его длинные пальцы сжаты в кулак, его взгляд сосредоточен и прямой. Идеально облегающий фигуру длинный чёрный кардиган подобен мундиру.

Подбородок был прямо поднят, шея скрыта черным воротником рубашки. Седая прядь волос аккуратно скреплена и спускается по спине локоном, едва достигая спины.

Как прекрасен чёрный лебедь!

Все так же хорош, несмотря на то, что время придало телу больше плотности.

Митхун Чакраборти постарел, девочки.

Я подумала о том, что его супруге повезло. И приходу тоже.

Его внешность затмевала весь богатый блеск подкупольного храмового зала, где ощущался запах старины, восковых свечей, и больше смерти, чем жизни.

Я сдержанная христианка, не приверженка религии. Моя

вера основана на научных и философских исследованиях, и я скорее себя считаю агностиком. Несмотря на то, что меня крестили в этом храме втайне от компартии, членом которой был мой отец. А маме было все равно.

Чёрный лебедь спокойно перемещался между прихожанами, словно элегантный, но внушительный корабль, вызывая благоговение и уважение.

Как оказалось, время от времени он заменял священника и исполнял службу чтеца.

Между службами царил тишина и торжественность. Женщины и мужчины разных возрастов с восхищением смотрели на него и благодушно улыбались, ощущая радость от его присутствия.

Дорогие мои однокашники, я жалею, что вы не могли увидеть то, что видела я.

Если бы я не знала его в молодости, то, вероятно, тоже была бы ошеломлена приближением этого человека-ангела, который, как будто, пришел благословить нас (я почти сказала "бога", но не решилась, ведь в храме потолок мог обрушиться на меня за такую аналогию).

Что могло подвигнуть этого человека на решение посвятить себя служению в храме?

Что случилось в его жизни и что привело его сюда?

Таинственный Чёрный лебедь исчез в одной из таинственных боковых дверей. Шепот стал еще громче, а лица людей преисполнились благоговением, их улыбки стали еще ярче.

– Не правда ли, какой у нас хороший брат – псаломщик, какой у него великолепный голос? – слышался слева за плечом дребезжащее льстивое щебетание. – Самый лучший чтец!

Я повернулась.

Рядом стояла женщина лет 65. Она смотрела в сторону, где скрылся «лебедь» с таким обожанием, будто прошёл Стас Михайлов.

– Да?

"Девочка, ты же такая взрослая, зачем ты только что задала этот, даже самый короткий вопрос?" Это был даже не вопрос.

Но женщина мне на него очень долго отвечала, как будто проводила экскурсию. Я только поднимала свои бровки и покачивала одобрительно головой. А она давай еще больше рассказывать.

Мне захотелось уйти.

И я искала предлог.

Глянув сквозь женщину, я увидела подобие лотка и поинтересовалась.

– А что там?

– О! Здесь вы можете приобрести для себя и семьи образочки, крестики. И, да, сегодня привезли колечки серебряные, их очень хорошо берут на подарок и для себя. Оно охраняет от...

Я благодарно поклонилась этой женщине, за такой марке-

тинговый ход и сказала, что посмотрю.

– Обязательно возьмите колечко,– настойчиво прошептала она мне вдогонку.

Колечко было обыкновенного серебра, шириной 7 мм, с каймой и текстом с таким старославянским шрифтом, которым я в школе еще любила подписывать оформительскими перьями стенгазеты, посвященные русскому языку и литературе.

У мамы было такое кольцо.

Я его решила купить и подарить дочери. Она у меня любит серебряные украшения, носит всё черное.

Думаю, ей понравится. И положила пакетик в сумочку.

Еще раз оглянулась. Женщины в зале не оказалось. Я вышла из храма, обернулась вместе со всеми и сделала крестное знамение.

Поторопилась уйти.

Теперь, проходя мимо церкви, где нёс послушание брат Александр, я надеялась, что хотя бы издали еще раз глянуть на него. И попытаться узнать причину этого его выбора стала моей целью.

Сколько бы я не ходила мимо, уже как год, его нигде не встречала.

А ради того, чтобы увидеть, в храм идти было такое себе мероприятие.

Память стала покрываться пеленой как в тот осенний день моей юности, когда еще можно было жечь в городе костры.

По законам космических энергий вся эта система имеет классическую закономерность повторяться, а простые земные смертные принимают происходящие события за эффект дежавю, либо стечение обстоятельств, либо считают глупой случайностью.

И для меня, то чудное «СУПЕРЛУНИЕ» осталось как яркое свидетельство моей такой же красочной и такой же краткой как это великолепное космическое событие, драмы.

Мне сказали, что нужно быть внимательной.

Стараюсь.

Дочь моя улетела, а я забыла ей отдать колечко, оно таки лежало у меня в сумочке.

Подходил день встречи выпускников. Из своих однокурсников мы не смогли отыскать троих.

Один из ребят, к сожалению, погиб.

Отозвались для встречи почти все.

А те, кто не смог приехать с радостью согласились поговорить по скайпу.

Мы решили, что создадим видеоконференцию, и так все вместе будем общаться. Как и тогда в наших Восьмидесятых.

Решение было правильным.

Люди работали или по каким-то другим причинам не могли быть «в офлайн».

Народу на торжество собралось тьма.

Выпускники разных годов как на демонстрации собира-

лись на площади возле нашей Альма-матер.

Университет блистал своим свежим видом, новыми окнами, обновленным парадным и вывеской.

Торжественное собрание прошло очень быстро и нас всех пригласили в актовЫй зал. Наши ребята не захотели идти на концерт, а решили побродить по таким родным аудиториям, позаглядывать на кафедры, где суетились молоденькие студенты. Они с уважением приветствовали нас и предлагали свою помощь, если у нас возникнут какие-либо проблемы. Мы отнекивались и продолжали свою экскурсию.

Из наших преподавателей еще были живы-здоровы наша зав.кафедрой и она нас всех, на удивление вспомнила. Она осталась в институте, прошу прощения, университете, советником декана и хранителем музея, в котором и провела нам экскурсию.

Мы помнили этот кабинет.

Музей имел тогда еще так мало экспонатов, а теперь, спустя 30 лет было на что посмотреть. Вспомнили, как ребята сваривали конструкции, а мы с девочками рисовали эти двухметровые стенды, собирали экспонаты, готовили макет нашего родного студенческого городка.

Нам поведали, как работали и когда ушли от нас наши преподаватели. Ведь многие проживали в студгородке всю свою жизнь.

Эти уважаемые люди так и остались в доброй большой Памятной книге университета.

Они были сердце и мозг нашего городка.

Порадовал нас физрук, который всё также заботится о своём здоровье и ведет активный образ жизни.

Воспитатель Татьяна Федоровна не изменилась вообще. Она нас вспомнила по имени, назвала группу, и мы с ней так долго беседовали, так много вспоминали. Преподаватель военной кафедры и другие выглядят просто потрясающе!

Память возрождает чувства и хорошо, когда они достойны, чтобы их перебирать время от времени, как старые фотографии.

Мы сидели на террасе маленького кафе.

Нас было 18 человек. Но пока мы все собрались здесь, прошло часа три. Где-то бродили ребята, они нашли соседей по комнатам, друзей и однокурсников. Пока мы их вызванивали, то уже настроили конференцию и болтали.

Вспоминали свою юность.

Наконец за столом все собрались. Эмоционально нельзя передать, как всё это происходило. Так мило и так по-семейному. Обнимались, фотографировались, снимали видео. Обменивались контактами, показывали свои достижения.

Я плохо помню окончание этого балагана.

Когда меня сын загружал в автомобиль, долго не могла проститься с Оксаной. Мы с ней стояли в обнимку и признавались в долгой нежной любви ко всему этому событию, собранию и вообще.

Как жаль, что не приехала Катюша, но она позвонила и

мы проболтали все минуты, деньги и мегабайты.

Я потом вспомнила, что искала в массе улыбающейся разновозрастной толпы черную фигуру, не находила.

Не приехал, а ведь это в 15 минутах езды на легковушке. "Куда ж нам, таким!", – подняла я к небесам голову. "А мы тут, грешные".

Я видела ребят его группы. Некоторые из них с нами сидели, пили коньяк все вместе, хохотали, балагурили. Наши девочки краснели, когда вспоминали похождения, потому что встречались.

Здесь встретились легендарные парочки!

Но ни мужья, кто привез жен на встречу, ни жёны ребят не подозревали, как всё в этой компании перепутано.

Мы все окунулись в наше замечательное прошлое, под названием ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ.

И не хотели покидать его.

И только прилично поддатых поздно за полночь нас развезли наши родные по домам.

Это потом будет восстанавливаться матрица памяти нашей встречи. Всплывать всё новые участки плохо осознаваемых событий.

Мы так и останемся в "друзьях" друг друга во всех, каких только можно соцсетях.

Пришло время поступления дочери в ВУЗ.

Факультет был выбран еще пару лет назад, и она готовилась. Дочь имела гуманитарные наклонности, любила языки.

Поэтому выбрали университет, что посоветовала моя Сонечка, в котором работала на кафедре внешней экономики.

Хорошее дело друзья!

Дочь поступила на "иняз" и улетела на учёбу. Рядом оставался сын, но он был самостоятельный, жил отдельно и уже встречался с девушкой.

Колесо времени вращалось, как и положено. Но – ах, как же не хочется стареть!

И такие встречи помогают всколыхнуть застоявшуюся воду, добавить немного кислорода, освежить дыхание.

Почему мы жаждем таких встреч?

Наверное для того чтобы приостановить приближающее время неинтересное, скучное. Чтобы видеть, то, как мы вместе начинаем стареть. И хотя до самой старости еще есть время, оно приближается без остановок. А так вроде и не так страшно, когда ко всем тем рубежам мы подходим такой огромной толпой. Знать, что осень еще не разгорелась и жизненно необходимо продолжать поддерживать огонь построенного очага и еще мечтать.

И еще чувствовать сердце.

– А помнишь?

– Помнишь?

– Помнишь...

– Да, я помню.

Слышится в этом бурлящем потоке голосов, смешивающихся со звуком опрокидывающихся рюмок, всплеском без

конца наливаемой жидкости.

– А помните, как мы пепси пили с водкой, – хохотали ребята. Нажрались как поросята, и пошли вешаться на девченок.

– Какая прелесть!

– И тебе тогда досталось, – хохотал пьяный уже Пашка, махнул в мою сторону потолстевшей от времени своей лапой и захохотал запрокидывая голову. – Тихоня наша! Ну, ты тогда...

– Зря, ой зря... Такого парня проср...

Он покачал головой, вдруг стал серьёзным, посмотрел на меня как-то, протрезвел, поднялся из-за стола, увидел вдали корешей, замахал руками и пошёл прочь.

– Что там, Аль? – спросила Соня, вглядываясь в мое изменившееся настроение из камеры видеосвязи.

Я только пожала плечами.

"Может Оксана просветит?" – подумала я.

Оксана всегда знала больше чем мы, она была шустрой, общалась со всеми, сидела в соцсетях, всех беспокоила своими поздравлениями, вместе с компьютером помнила наши дни рождения. Та определённо много чего знала.

Только зачем нам о прошлом любая лишняя информация? Ничего не нужно ворошить иначе начнёт пропадать сон. А он и так стал таким беспокойным.

Когда к концу недели моя матрица стала восстанавливаться, я позвонила Оксане. Рабочий день заканчивался.

– Оксаночка, дорогая, ты так много обо всех знаешь.

– Дааааа, – протянула моя подруга.

– Только мне сейчас некогда, давай на выходных поговорим. Работа – ответила подруга.

– Ок, договорились. Целую, моя хорошая!

Вам не приходило в голову когда-нибудь осознать, сколько же мы с вами прошли трудностей?

Когда мы стали забывать весь тот наш светлый мир?

Когда он нас покинул и стал таким далёким, что уже стали забываться многие куски нашей жизни? Мы выросли, и с нами взросло все, что нас окружало.

Мы с вами, дорогие друзья, пересоздали весь этот мир, в котором сейчас живем, пользуемся удобствами и доступностью к любым человеческим сервисам.

Наше поколение голодающих студентов, оставшихся за бортом жизни.

С невостребованными специальностями инженеров, строителей, экономистов, военных. Мы, дети тех, кто отчаянно старался сохранить своё лицо воспитанных на идеологии социальной справедливости в том, предательском времени.

Но им, нашим родителям, в возрасте 45 лет, приходилось стоять на рынке с молоком, курятиной, свиной, которую выращивали на своих дачах.

Как загружали клетчатые сумки тряпьем бывшие военные.

Торговали низкосортным товаром в переходах метро и едва сводили концы с концами.

Высококласные специалисты мыли за копейки лестничные пролёты...

Многие не могли перенести этого позора.

Сколько случилось боли в это время, пока мы были в красивом возрасте. Когда растили своих детей, строили свои семьи и пытались выжить.

Мы с вами те, кто сейчас только достали из своих дальних отсеков дипломы и посмотрели на них с уважением и трепетом. Погладили эти твердые обложки с устаревшим гербом и отдали в отделы кадров. Пригодились.

Но многие не вернулись в специальность, с трудом пережили отвержение суровыми девяностыми. Кто-то овладел сельскохозяйственной фирмой, кто стал работать в школе, на предприятии, кто организовал магазин, ресторан, пансионат, кто-то смог остаться военным...

Мы с вами смогли приспособиться!

Разве мы так глупы, чтобы позорить свой ВУЗ и наше добротное образование! Наши усилия вознаграждаются, и мы еще в том хорошем возрасте, когда еще можем.

Мы молодцы!

Оксана позвонила ближе к вечеру.

– Привет, дорогая! Как поживаешь? Ты хотела о чём то спросить, – начала она.

– Да. Есть у меня вопрос. Только не накручивай, а то я тебя знаю. Это моё праздное любопытство, только таковым и остаётся, ничего особенного.

– Та, давай, уже, рассказывай.

Я расспрашивала деликатно, что бы Оксаночка не навртела себе чего-то лишнего и не "понесла" по нашим "социальным друзьям".

Хотя она, как оказалось, в этом случае ничего не знала. Я как-то удивилась этому, ведь должна была знать, кто как не она. Но она ушла от темы, просто сказала, что про Александра ничего не слышно уже давно.

Оксана единственная, кто вышла замуж за своего студенческого возлюбленного Пашку. А эти его слова на встрече выпускников меня поставили в тупик.

"Врёт", – подумала я.

Даже если что и знает, то не скажет! Она хоть и болтливая, но страшные тайны никогда не выдаст».

Я не сказала ей, о том, что видела Александра.

Ей об этом вообще говорить было опасно. Единственное, что она сказала про Сашку, это то, что он после окончания института пошел служить на флот.

Как и мечтал.

Вот почему у него такая выправка!

"Ладно. Раскалывать её бесполезно".

Ну и какой мне найти повод, чтобы пойти в церковь?

Я надела своё лучшее пальто.

Длинная клетчатая юбка была миди и элегантно выглядывала из-под половиц серого кашемирового пальто. На шею повязала большой платок, пригодится надеть на входе.

Чего пошла?

А разве я когда обдумывала такие решения. Они являлись спонтанно, но это было по молодости.

А сейчас что мною двигало?

На дворе эпоха технологий, какая вера? Когда всё и везде просчитывается приложениями самых дешёвых смартфонов.

Нет, мне эта вся затея не нравилась.

И всего, что я хотела знать: что случилось, что стало причиной...

Видите, как во мне борются мысли? При всей своей прагматичности, я такая же и осталась любопытная фантазёрка. Ищу, когда уже ничего искать не нужно. Задаю вопросы, хотя всё понятно.

Глупая девчонка! Ну не падает же на тебя луна, что же ее дёргать-то.

Можно я не буду описывать красоту величие нашего храма?

Хорошо.

Я выстояла до конца службы, но его не было сегодня.

Поинтересовалась у бабушек, где же наш хороший послушник, который божественно читает псалмы.

Бабушки с благоговением ответили, что он сегодня слу-
жит на отпевании.

"Прекрасно".

Раньше тебя окружали нежные ветви распускающейся но-
вой жизни, а теперь тебя окружает смерть и тяготы.

Я подняла вверх голову, там распростёрши руки, добрый
Бог в великолепной отреставрированной фреске указывал
мне на надпись свитка: Ищите и найдёте!"

"Хорошо, благодарю Тебя! "

Поклонилась. И вышла.

Я шла по набережной и ругала себя:

"Старая дура! Чего ты бегаешь? Что ищешь? Вечно тебе
надо искать первой. Почему тебя никто не ищет, не звонит
и говорит: Вот, я, наконец, тебя нашел! Сбился с ног, но на-
шел!

Какого х... никому из миллиардов земных жителей, хоть
одному не пришла в голову мысль, чтобы найти меня? Во-
обще всем пофигу...

Почему ты не подошел, не извинился, не искал встречи.
Тупо ушёл и ничего не сказал!

Почему я сама выбираю?

С остывшим сердцем выбираю и потом считаю, что сде-
лала всё верно, что живу счастливо, довольно успешно.

Почему жизнь такая банальная, безцветная, плоская: по-
знакомился, получил опыт – "досвидос"; познакомился, по-
лучил – "досвидос"; познакомился – "досвидос".

Дура!

Идеалистка".

Я "забила" на эти мои хождения.

Стыдно, у меня же есть за кем заботиться.

Достала смартфон: "Надо позвонить Алинке"

Выкладывая содержимое сумочки, для того, чтобы сменить атрибут на зимнюю, я заметила пакетик с бирочкой внутри.

Это было серебряное колечко.

Я не стала его даже вынимать из потрёпанного уже пакетика. Вспомнила, что хотела подарить дочери. Но она далеко.

Положила в шкатулку, и закрыла комод.

Немного припоминаю, что у мамы тоже было такое. Она когда потеряла мужа, с которым прожила не очень счастливую жизнь, в храме купила такое колечко, там же одела на безымянный палец и проносила до самого конца, оставаясь одна и отвергая всякого, кто пытался к ней "подкатывать".

На нём была надпись "Спаси и сохрани".

Мы не стали его снимать.

С чем она прожила остаток жизни, о ком думала вечерами, когда тихо плакала в одиночестве? Нет, она не была набожной, хотя жила по всем законам духовной морали и положила на плаху семейного быта всю свою гордость, красоту, разум и мечты. Ради сохранения семейного очага терпела всё, что современная женщина никогда терпеть не согла-

сится.

Мама словно закрылась от чувственного мира, отказалась от любви и женского счастья, одев это колечко.

Или наоборот – с Кем-то обручилась?

Я вела своё авто по полосе с односторонним движением, искала где припарковаться.

Надо было сходить в магазин за цветами. Собиралась замуж коллега.

На улице было холодно, дул ветер.

Заскочила в тёплое помещение цветочного бутика и обратилась к цветочнице, чтобы та подобрала букет.

"Почему такая спешка? Могла бы подруга до тепла подождать. Господи, куда люди торопятся", – думала я.

Пока я грелась около витрин, цветочница не спеша упаковывала розы.

Дверь открылась.

Ввалилась фигура в большой тёплой куртке, капюшон скрывал голову.

" Вот, блин, мужчина настоящий! За цветами пришёл" – подумала я.

– Вы в очереди? – спросил он, сначала снимая перчатки, потом, оголив кисти рук, на которых не было кольца, снял капюшон с седой своей головы.

Вы знаете, как каменеют люди от удивления.

Ну, вот, это произошло со мной.

– Вы в очереди, прошу прощения, – оправдался он

Я захлопала глазами. Посмотрела на него, вглядываясь в знакомые черты.

Что-то я потеряла слух, наверное...

А он так весело улыбнулся и, наверное, ещё что-то спросил, обратился к цветочнице, не дождавшись от меня ответа.

– Я сейчас рассчитаю женщину. Можете пока погреться и выбрать понравившийся букет. Вам какой? Для какого торжества.

– День рождения!

– Девушке, женщине?– продолжая увязывать мой букет, спрашивала продавщица покупателя.

– Да, я сейчас присмотрюсь.

Меня рассчитала цветочница и я, нехотя, не найдя причины остаться в магазине, собралась выходить. Намеренно медленно стала натягивать перчатки.

– Ух! Какая же красота, Ваши цветы, – сказал цветочнице этот седовласый покупатель.

– Да, они великолепны! Они очень долго будут стоять и приятно радовать Вас, – ответила она, мило улыбнувшись.

Я повернулась посмотреть на это его счастливое лицо.

Натянула спешно перчатки.

Поблагодарила за букет.

Собралась выходить.

– Как Вы думаете, этот букет подойдёт молодой особе на совершеннолетие?– спросил он.

Я уже открыла дверь.

– Девушка, это я к Вам

– "Ко мне, что ли?", подумала я.

– Да, да, к Вам,– обратился он ко мне.

Я повернула голову, посмотреть "типа, я ничего тут не забыла?" Они оба смотрели на меня. Цветочница тут же закопошилась в своей работе, чтобы не мешать покупателю.

– Я?

– Ага

– Какие посоветуете цветы молодой барышне?

Я слегка пришла в себя и вернулась в тепло. Надо было о чем-то говорить. Как-то шумно набрала воздуха, выдохнула, обновила сознание.

И пошла с вопросами: сколько лет девушке, что предпочитает, романтик она или драматик (как моя), какие цветы бывают в её окружении...

– Она любит всё такое мультяшное, я даже не знаю, как это называется, они еще любят смотреть и режут почему-то.

"Мульттик. Значит, ага, догадываюсь?"– подумала я про себя и не проговорила в голос. Как-то это искусство не вязалось с его верой. Как он позволяет своим детям смотреть такую ересь? "

– Романтичное такое,– он покрутил своими пальцами, показывая что в этом ничего не смыслит.

Я поняла, какой букет нужно девочке фанатке и посоветовала выбрать.

– Хорошо! Да, это именно то, что надо!– благодарю Вас

за помощь.

"Если он сейчас меня тут будет благословлять, то я его огрею этими розами, потом куплю – новые!" – забеспокоилась я.

Но он был так сейчас не похож на того, мрачного чёрного лебедя в храме. Так – обычный семьянин, заскочивший купить подарок дочери.

В светло-коричневой куртке, синий шарф был повязан модно, в светлых джинсах, бежевых ботинках с тяжёлой подошвой.

"Молодец супружница, одевает человека стильно".

Уже садилась в машину, как он подошёл к пассажирской двери и постучал в окно. Я открыла.

– Вы не в центр?

– Да, в центр, – почему то сказала я, когда мне было в другую сторону.

– Подкинете?

Замок двери открылся, и пассажир разместился в моей машине.

Наши букеты лежали рядом на заднем сидении.

Мы поехали.

Вместе...

К великому сожалению, мне не удалось столкнуться с никакими преградами на пути в центр. Попала на все зелёные светофоры. И уже через четыре минуты была в центре.

Остановилась.

"Ну, – думаю, – выметайся по-быстрому!" Не смотрю в его сторону. Ожидаю, когда выйдет.

А он и не выходит.

– Вы не торопитесь?

Я строго посмотрела на него, но сникла тут же.

" О, Господи, где же таких прекрасных мужчин делают, а? Дайте, мне одного такого же! "

– Ну, как бы... – прошептала я, глядя на дорогу.

– Хорошо. Можно вас на чашку кофе пригласить?

И он показал на кафе, возле входа которого я остановилась.

Моё молчание затянулось, и он решил, что "молчание – знак

согласия". Быстро выскочил, обогнул машину и открыл мою дверь.

– Холодно, укутайтесь.

И протянул мне руку.

Я заглушила мотор. Взяла сумочку, ключи, перчатки, платок. И ответила ему, подала руку, выходя из машины.

" Батюшки, какая рука горячая! "

...Люрексовое платье, холодеющая спина, жмут лодочки, обхват ледяными руками, теплый белый свитер, плечи... Одеколон "Тайфун". Энигма. Мгновение и – 25-ый кадр вставился в мозг. Разархивировалась такая старая папка с файлами.

– Спасибо, – ответил он на мои мысли.

Внутри меня всё обсыпалось, всё куда-то вниз, я не могла контролировать ситуацию. Единственное, что меня пугало, что он начнёт сейчас мне рассказывать о всей чистоте духовной жизни верующего, что можно, что нельзя. Уж тогда я припомню ему. И поинтересуюсь, какие же были ставки, на сколько пачек сигарет или бутылок пепси вся та затея ставилась.

Но ведь он вряд ли меня узнал, столько времени... Я стала еще страшнее, старше.

В кафе было уютно, тихо звучал романтический лаундж. Людей было мало. Он предложил присесть за столик возле окна. Я начала снимать пальто, он подхватил его, помог снять и повесил на вешалку, снял свою куртку. Поздоровался с официантом и кивком призвал к столику.

Принесли меню.

Я всё время не проронила ни слова. Меня сковало осыпавшееся нутро, оно сыпалось куда-то в сапоги и там уже закипали ноги.

– Что будешь?

Он заговорил со мной на "ты".

Я округлила глаза и, наверное, пошла пятнами. От нахлынувших чувств поперхнулась.

– Щас, я.

И показала, что пойду нос пудрить. Он кивнул и стал рассматривать меню.

В зеркало смотрело моё удивлённое лицо. Мне надо было

воды. Я открыла кран и отхлебнула прямо из ладошки.

Надо было быстро соображать.

Прическа, макияж...

Черт, губнушка в машине!

Но не было времени на размышления. Мой единственный жёсткий диск явно был перегружен лишней информацией.

Тупило всё. Как всегда.

"Ладно!"

Я громко вдохнула, так же громко выдохнула, поправила макияж, причёску, отряхнула свитер, поправила юбку и вернулась в зал.

На столике стоял чайник с горячим чаем и две чашки.

– Прости, я не знал, что ты будешь и заказал чай. Может всё же кофе? Я попрошу...

И он сделал знак официанту.

– Нет, нет. Всё нормально.

Я взялась за чашку, а он налил чаю половину. И опять воцарилось томительное молчание. Он подвинул к себе чашку, откинулся на кресло.

– Как поживаешь?

"Что я должна была ответить? Блин, кино какое-то. Сериал!"

– А ты как? – спросила его

"Узнал или ошибся? Не могу понять. 30 лет с гаком не виделись. Ошибся, верно".

– Я – нормально.

И тут пошли такие обобщенные вопросы, как будто я станция Алиса. Погода, какие-то новости. Всё такое, о чем можно говорить с человеком в метро.

Я неохотно отвечала. На столике лежали мои красные перчатки.

Он потянулся, и взял их.

– У тебя такие же тёплые, нежные и талантливые ладошки...

Он протянул ко мне свою открытую ладонь. Меня «флешбекнуло», как сказала бы на своем молодежном языке дочь.

Тут же предательски задёргался глаз, и чтобы не смотреть на него я перевела свой взгляд в окно. За ним всё поплыло, моя машина, люди, голые деревья...

Это накатились слёзы. Узнал.

– Хороший чай, давай грейся, – продолжил он как будто ничего и не произошло.

– Я тоже рад тебя видеть, Алла.

Бабахнуло в сердце и меня попустило. Я выдохнула и стала пить чай. Он подливал новую порцию.

– Ты хорошо выглядишь, красивая как всегда.

Я поджала губы, сжимая хоть как-то лицевые мышцы, чтобы не выкатились слёзы.

Его открытая ладонь осталась без моего отклика, и он взял мои перчатки в обе руки. Отодвинул чашку.

– Я всё думал, как ты? – продолжал он.

Молчание затянулось неприлично долго, и он заерзал, по-

смотрел, то на улицу, то на официанта. Не позвал его. И я очнулась. Сейчас уйдет и всё пропало. Посидеть бы ещё немножко, здесь так уютно, и я оттаяла.

– Спасибо за комплимент, – слегка улыбнулась.

Он так обрадовался. Сел удобнее в кресло.

– Как узнал? Ведь столько времени...

– Как только зашёл в магазин – сразу узнал.

– Как так?

– Тебя трудно не узнать.

"Я опять подумала, что он издевается"

– А ты?

– Что?

– Узнала?

– Тебя трудно не узнать.

Он улыбался, так как будто был очень рад.

– Тебя не было на встрече выпускников.

– Был.

– В смысле?

"Как так? Я что-то пропустила?"

– Нет, не правда.

– Нет, правда! Сказать в каком ты была наряде?

– В каком же?

– Белые, по-моему джинсы, рубашка синяя, с коротким рукавом и вот-такенные каблукки.

Он показал размах своих лебединых рук и я засмеялась.

– Я тебя не видела

– Зато, я тебя видел

– И где ты скрывался?

– Да перед носом у тебя, крутился, а ты и не замечала.

– Где? В пределах этой вселенной?– не понимала я, где он был, что никто его не видел.

– Да,– ответил он таинственно, прищуриваясь. – Да я со своими ребятами всегда был. Это только некоторые из них были с вами, а так-то мы сидели в парке, на траве расположились. Было очень удобно.

"О! Боги, он, наверное наблюдал какая я было пьяная". В этот момент мне было неловко.

– Угу, да, я и это видел. Ну, ничего, ничего,– он замахал своими ладонями. Правда, ты вела себя достойно, ни на кого не бросалась.

Я закрыла руками лицо и там улыбалась. Когда открыла, он смотрел своим одухотворёнными красивыми глазами, вроде улыбался, но взгляд был печальным.

– Ты мне должна.

– Что?– опешила я.

"О чем сейчас пойдёт речь... Флирт между глубоко верующим мужчиной и женщиной атеисткой не возможен. Нет!"

– Я ещё и должна, значит осталась. Сколько с меня?– я манерно схватилась за сумочку и стала имитировать поиск кредитки.

– Успокойся, я же пошутил,– он понял, что напугал меня.

– Как ты?– еще раз спросил он меня, когда я откинулась

на спинку сидения и показала на чашку.

– Кофе? – спросил он

– Да.

– Официант!

– Можно спросить?– задала ему вопрос.

– Не надо, – он в этот момент напрягся.

– Ок.

– Тогда не спрашивай меня, как я.

– Хорошо.

– Ммм, как пахнет кофе. Любишь кофе?– спросил он ме-

ня.

– Угу.

– Мы молча пили кофе и смотрели друг на друга, только наши взгляды общались между собой, о том, о чём знал лишь его Бог и мой бог.

– Я купила кольцо у вас в храме.

– Я видел.

– Вижу, ты всё знаешь.

– Я про всех всё знаю,– опять смешно сделал таинственную гримасу. И он закатил вверх глаза, в небо или потолок.

– И про меня....

– И про тебя, я всё знаю....

– Зачем ты так шутишь?

– Шучу.

– Зачем тогда всё это?

– Хочу, чтобы ты...

Он остановился на последних словах, глотнул их, понял, что мог сейчас сказать лишнее, поправил прядь волос выбившихся из причёски за уши, погладил свою небритость и сказал:

– Я прошу тебя, надень то кольцо и не снимай его. Я буду знать, что с тобой всё хорошо. И прости меня. Пожалуйста.

Понимая, что фатум этой встречи неизбежен, дальше продолжать беседу “ни о чём” просто нет смысла, я засоби-ралась уже уходить.

В его глазах появилась грустная печаль, а его взгляд стал отдаленным. В словах прощания не было ни намека на встречу. Просто попрощались. Но у меня осталось такое чувство, что он пытался что-то сказать, что-то спросить.

А между нами уже пронесся порыв ветра и почувствовался холод в коленках.

Я уехала домой, он ушел по улице, накинув на седую голову капюшон. Ушел с букетом цветов, что выбрала я. Разо-шлись как в море корабли. Даже номер телефона не оставил и мой не попросил.

Аля, какая ты – дура!

Моя пустая от мыслей голова нуждалась в тёплом душе.

Вместе со стекающими на тело струйками горячей воды катились безудержно слёзы.

Думаю, душ – это тот парень, который молча принимает всю тебя, такой как есть. Шумит, перекрывая своим бе-

лым звуком твои сопливые стоны, окутывает теплом и нежностью, успокаивает: “Ш-ш-ш-ш-ш-ш...” и ты медленно, но уверенно приходишь в себя.

Но, вот засада, в спальне ждёт тебя вторая “подруга” – подушка!

И сериал может повториться.

Я активно изучаю посты в социальных сетях, посвященные семейным отношениям. Очаровывают меня эти прекрасные фотографии, на которых изображены стареющие супруги, прошедшие вместе более 25-30 лет...

Ну, не знаю. Может это случайно так повезло, а может, эти люди как-то договорились.

Мне не везло. Но это так говорят со стороны.

Я себя чувствую очень хорошо одна. У меня, всё же есть дети, которым посвящена была вся моя жизнь и теперь они взрослые, самостоятельные люди.

Но, есть у меня подруга. У неё четверо детей. Эта труженица вечно занята своими делами. А я так люблю с ней поболтать. Бывают подруги, с которыми можно провести несколько часов разговора и уйти, ощущая тепло и уют внутри. А есть и такие – с ними ты можешь говорить целые сутки, но после этого чувствуешь себя пустым, словно цистерна после выгрузки мазута.

Такие разные, мои любимые подружки, и так по-особенному меня бесят.

Но сегодня я бы поболтала с моей многодетной подругой.

Она никогда не жалуется. Вырастила своих галчат, выпустила на свободу и теперь со своим супругом занимается тем, что ей нравится. Он вывозит ее к морю, а она там раскинув кучу всякого непонятного мне инструмента – рисует картины. Вечная философия семейного бытия, однако, постепенно теряющая свой смысл в современном мире, становясь всего лишь внешним декором, пустой оболочкой.

Надо позвонить ей.

Мы редко виделись с Александром. И то издали.

Оксана таки мне рассказала некоторые факты из его жизни.

Саша после института сразу ушёл во флот, от чего родители переживали и беспокоились. Потом остался на сверхсрочную службу. Закончил военную академию. Служил в командном составе на подлодке. И там что-то случилось...

После чего он чуть было не пошёл в семинарию. Но не рискнул, а стал постоянно посещать святые места и храм. Будто искал чего-то – себя или покой душе.

Был однажды женат, но как-то не задалось.

Разошлись.

Есть взрослый сын, уже самостоятельный.

А девушка, которой он выбирал букет – дочь его друга, который навсегда остался там, в холодных водах.

Я ненавидела отвлекающие звонки, когда годовому отчету грозил дедлайн! Но на том конце космической связи раз-

дался до боли знакомый мужской голос:

– Кофейку?